

Раздел II

Языковая номинация в аспекте проблемы тождеств и различий

Вансяцкая Елена Александровна
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
e_vansyatskaya@yahoo.com

ЯЗЫКОВЫЕ НОМИНАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ С ОПОРНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ *VOICE* В ПОВЕДЕНИИ ДЕТЕЙ (на материале англоязычных художественных произведений)

В статье рассматриваются невербальные компоненты коммуникации, характерные для поведения коммуникантов-детей. Представлены языковые номинации невербальных компонентов коммуникации фонационного типа с опорным элементом *voice* (голос). Структурные элементы проанализированы с точки зрения возрастания / убывания положительных и отрицательных эмоциональных реакций, передаваемых коммуникантом. Материалом послужили англоязычные литературные произведения для детей.

Ключевые слова: невербальные компоненты коммуникации, коммуниканты-дети, языковая номинация, фонационный тип, опорный элемент *voice* (голос), положительная / отрицательная эмоциональная реакция, литературное произведение для детей.

Общение – сложный процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене информацией, а также в восприятии и понимании партнерами друг друга. Субъектами общения являются живые существа, люди. В принципе общение характерно для любых живых существ, но лишь на уровне человека процесс общения становится осознанным, связанным вербальными и невербальными актами. Человек, передающий информацию, называется коммуникатором, получающий ее – реципиентом [Вансяцкая, Карташкова 2005: 12].

Средствами коммуникативного процесса являются различные знаковые системы, прежде всего речь, а также невербальные средства общения – оптико-кинетическая система знаков (жесты, мимика,

пантомимика), пара- и экстралингвистические системы (интонация, речевые вкрапления в речь, например паузы), система организации пространства коммуникации и, наконец, система контакта глазами [Лабунская 2009: 50].

К основным фонационным средствам передачи невербальной информации относят тембр голоса, мелодику речи, силу голоса и ее изменение [Морозов 2011: 26]. Голос является важным средством выражения комплекса субъективных чувств и смыслов, и наряду с лицом он воспринимается как наиболее персональный, тесно связанный с личностью участника коммуникации канал. В. А. Лабунская отмечает, что к просодической структуре относятся ритмико-интонационные явления речи, а именно высота, длительность, громкость голосового тона, сила звука, тембр голоса, интонация [Лабунская 2009: 16].

Большое внимание характеристикам голоса уделил в своем исследовании Г. Е. Крейдлин [Крейдлин 2004]. Голос обладает колоссальной силой, которая порой заключена не в том, что сказано, а в том, как это сказано. Он обратил внимание на гендерные и возрастные особенности голоса человека.

Невербальные аспекты речи чрезвычайно важны не только для взрослых, но также и для детей. Во-первых, с их помощью передается смысл высказывания, понимание которого наряду со значениями слов обеспечивает глубокое общение людей. Во-вторых, владение такими средствами позволяет человеку, дополняя свою естественную речь невербальными и паралингвистическими коммуникациями, полнее передавать людям ту информацию, которой он располагает. В-третьих, такие средства помогают человеку снимать напряженность в общении с людьми и делают его коммуникативно более компетентной личностью. Наконец, в-четвертых, многие психологи обоснованно считают, что через невербальные средства общения от человека к человеку передается намного больше информации, чем через вербальные средства общения. Поэтому недостаточно хорошее владение невербальной коммуникацией значительно обедняет общение людей друг с другом [Цевелева 2000].

Произведения художественной литературы для детей на английском языке демонстрируют большое количество примеров употребления невербальных компонентов коммуникации (НВК) фонационного типа с опорным существительным *voice*.

Необходимо отметить, что номинация *голос* имеет нейтральный характер и не несет ярко выраженного положительного или отрицательного заряда. Следовательно, чтобы выяснить, какова переживаемая коммуникантом эмоциональная реакция (ЭР), необходимо проанализировать структуру словосочетаний с данным опорным элементом.

Примеры, полученные методом сплошной выборки из англоязычных произведений для детей, образованы по модели: Adjective / Participle + Noun (voice).

Приведем сначала примеры, в которых семантический потенциал заключен в прилагательных и существительных с отрицательной коннотацией: «*a rough voice*», «*a rude voice*», «*a hoarse voice*» и др.

Рассмотрим семантику данных маркеров, выраженных прилагательным, используя дефиниционный анализ. Для анализа воспользуемся словарями издательства Macmillan, Longman и Oxford Dictionaries:

Rough

– not gentle, not soft and is unpleasant to listen to [<http://macmillandictionary.com>].

– not gentle; violent or boisterous [<http://oxforddictionaries.com>].

– using force, anger, or violence [<http://ldoceonline.com>].

В данном случае эмоциональное состояние говорящего свидетельствует о его раздраженности, злости. Манера разговора может быть охарактеризована как грубая, недоброжелательная.

Hoarse

– in a low rough voice, usually because the throat is sore [<http://macmillandictionary.com>].

– founding rough and harsh, typically as the result of a sore throat or of shouting [<http://oxforddictionaries.com>].

– if you are hoarse, or if your voice is hoarse, you speak in a low rough voice, for example because your throat is sore [<http://ldoceonline.com>].

Голос говорящего не обладает чистыми звуками, а напротив грубый, хриплый, сиплый, вследствие различных причин.

Rude

– not polite and offensive [<http://macmillandictionary.com>]

– offensively impolite or bad-mannered [<http://oxforddictionaries.com>]

– speaking or behaving in a way that is not polite and is likely offend other people [<http://ldoceonline.com>].

В характеристике голоса говорящего подчеркиваются такие аспекты, как невежливость, невоспитанность, а также элементы, которые могут обидеть собеседника.

Таким образом, мы видим, что каждое из этих прилагательных «подчеркивает» определенные характеристики голоса, при этом передаются отрицательные ЭР, но сила этих эмоций различна.

Опираясь на вышесказанное, мы можем распределить данные прилагательные по мере возрастания / усиления отрицательной ЭР (*hoarse, rough, rude*).

Итак, сначала следует прилагательное *hoarse*. Говорящий переживает негативные эмоции, которые пока неярко выражены. В момент речи он / она демонстрирует свой решительный настрой посредством вокальных данных (громкий, хриплый, жесткий и т.д.), без проявления грубости.

Следующим по силе переживаемой ЭР является прилагательное *rough*. Так же, как и в случае с прилагательным *hoarse*, говорящий испытывает отрицательную ЭР, но в данном случае мы уже видим некое проявление грубости и неуважения к собеседнику, что свидетельствует об усилении негативной эмоции.

Наконец, самое негативно окрашенное прилагательное данной группы – *rude*, которое, безусловно, передает негативное эмоциональное состояние говорящего. Данное прилагательное показывает, что помимо недовольства, грубости и неуважения говорящий позволяет себе некие оскорбительные проявления в общении с собеседником.

Таким образом, мы видим, что по мере усиления отрицательной ЭР, коммуникант переживает усиливающиеся эмоции. Резкий, хриплый, настойчивый, категоричный тон сменяется сначала грубостью и неуважением, а затем уже гневом с непозволительным оскорблением.

Теперь приведем примеры, в которых семантический потенциал заключен в прилагательных или причастиях с положительной коннотацией: «*a friendly voice*», «*an amused voice*», «*in a light, half-joking voice*», «*in his gentlest voice*», «*the politest voice*» и др.

Рассмотрим семантику данных маркеров:

Friendly

– someone who is friendly is always pleasant and helpful towards other people [<http://macmillandictionary.com>].

– kind and pleasant [<http://oxforddictionaries.com>].

– behaving towards someone in a way that shows you like them and are ready to talk to them or help them [<http://ldoceonline.com>].

Поведение говорящего располагает к общению с ним, так как он дружелюбен, добр, готов помочь словом или делом.

Amused

- entertained or interested by something [<http://macmillandictionary.com>].
- to cause (someone) to find something funny [<http://oxforddictionaries.com>].
- if you are amused by something, you think it is funny and you smile or laugh [<http://ldoceonline.com>].

Семантика данного прилагательного показывает позитивный настрой говорящего, он проявляет интерес и веселье к происходящему.

Joking

- to say things that are intended to make someone laugh [<http://macmillandictionaries.com>].
- to make jokes; talk humorously or flippantly [<http://oxforddictionaries.com>].
- to say things that are intended to be funny and that you do not really mean [<http://ldoceonline.com>].

Говорящий расположен к шуткам, его поведение несерьезное, беспечное, что свидетельствует о его позитивном настрое.

Gentle

- kind and calm [<http://macmillandictionary.com>].
- moderate in action, effect, or degree; not strong or violent [<http://oxforddictionaries.com>].
- kind and careful in the way you behave or do things, so that you do not hurt or damage anyone or anything [<http://ldoceonline.com>].

Манера разговора говорящего корректная, уважительная, что располагает к разговору с ним.

Polite

- someone who is polite behaves towards other people in a pleasant way that follows all the usual rules of society [<http://macmillandictionary.com>].
- having or showing behavior that is respectful and considerate of other people [<http://oxforddictionaries.com>].
- behaving or speaking in a way that is correct for the social situation you are in, and showing that you are careful to consider other people's needs and feelings [<http://ldoceonline.com>].

Проанализировав семантику данного прилагательного, можно сделать вывод о том, что говорящий демонстрирует позитивный настрой, манера его разговора располагает к общению с ним.

Опираясь на вышесказанное, мы можем распределить данные прилагательные по мере возрастания / усиления положительной ЭР (*polite, gentle, friendly, joking, amused*).

Итак, сначала по значению идет прилагательное *polite*, которое передает положительное эмоциональное состояние говорящего. В данной ситуации коммуникант расположен к общению, демонстрируя свою доброту, вежливость и любезность по отношению к собеседнику.

Затем следует прилагательное *gentle*, которое аналогичным с предыдущим примером передает положительное эмоциональное состояние говорящего. Данное прилагательное демонстрирует схожую ЭР с прилагательным *polite*, но в данном случае коммуникант демонстрирует свое спокойствие, мягкость и учтивость.

Следующее по степени выражения эмоций – прилагательное *friendly*. Говорящий также переживает положительные эмоции. По сравнению с выше проанализированными прилагательными оно показывает, что коммуникант настроен дружелюбно, приветливо.

Следующим можно считать прилагательное *joking*. Коммуникант также находится в прекрасном расположении духа, мы можем наблюдать его / ее готовность к общению, шуткам, игре, что свидетельствует об усилении положительной ЭР по сравнению с рассмотренными выше прилагательными.

Наконец, самое положительно окрашенное прилагательное данной группы – *amused*. Коммуникатор находится в отличном настроении, демонстрирует желание к общению, развлечению, играм, старается привлечь к себе внимание, позабавить своих собеседников.

Итак, мы видим, что по мере возрастания положительной ЭР говорящий от простой вежливости и демонстрации своей расположенности к общению переходит сначала к веселью и радости, а затем к желанию развеселить других реципиентов.

Невербальное общение наряду с вербальным организует коммуникацию определенным образом, формируя собственный образ говорящего, дает представление о партнере по общению, а также осуществляет определенное влияние на него. Проанализировав фонционный класс невербальных компонентов с опорным элементом *voice* по такому критерию, как выражение положительных и отрицательных ЭР, мы исследовали наиболее частотные номинации данного класса. Проведенный нами дефиниционный анализ входящих в номинации элементов позволил нам сделать вывод о том, что семантика прилагательных и причастий, модифицирующих существительное *voice*, помогает реципиенту дешифровать испытываемую коммуникантом эмоцию, проследить использование номинаций по мере возрастания / убывания эмоциональных реакций.

Литература

1. *Вансяцкая Е. А., Карташкова Ф. И.* Невербальные компоненты коммуникации в английском художественном тексте. – Иваново, 2005.
2. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. – М., 2004.
3. *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов-на-Дону, 2009.
4. *Морозов В. П.* Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования. – М., 2011.
5. *Цевелева И. В.* Развитие невербальных средств общения и паралингвистических компонентов речи у детей младшего школьного возраста: Дис. ... канд. психол. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2000. 145 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://ldoceonline.com>.
7. Macmillan Dictionary. URL: <http://macmillandictionary.com>.
8. Oxford Dictionaries. URL: <http://oxforddictionaries.com>.

Врыганова Ксения Александровна

Ивановский государственный
химико-технологический университет
г. Иваново, Россия
kvryganova@yandex.ru

НОМИНАЦИИ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИТУАЦИЯХ МАСКИРОВКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается феномен маскировки эмоций в художественном тексте. Выявляются наиболее типичные способы успешной маскировки эмоций. Приводятся языковые номинации средств невербальной коммуникации.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, эмоции человека, невербальные средства коммуникации.

Феномен маскировки эмоций представляет собой замену выражения переживаемой эмоции выражением другой эмоции, не переживаемой в данный момент. Вопрос маскировки эмоций оказался

в фокусе внимания исследователей, изучающих отражение невербального поведения человека [Ганина, Карташкова 2006].

В ходе проведенного исследования, объектом которого стали коммуникативно-прагматические ситуации маскировки эмоций, которые были отобраны методом сплошной выборки из английской и американской художественной прозы XX–XXI веков, нами были выделены следующие случаи маскировки эмоций человека в художественном тексте: *случаи успешной маскировки* и *ситуации дешифровки* адресатом маскируемых эмоций. В данной статье мы обращаем внимание на ситуации успешной маскировки эмоций, когда персонажу успешно удается скрыть нежелательные в данный момент эмоции и показать те эмоции, которые в большей степени приличествуют случаю.

В случаях успешной маскировки наиболее часто используется *фонационный вид невербальной коммуникации (НВК)* для маскировки истинных эмоций. Фонационный НВК может использоваться для маскировки как отрицательного, так и положительного эмоционального состояния персонажа художественного текста. Языковые единицы, входящие в состав языкового коррелята (ЯК), способствуют передаче физического, психического и эмоционального состояния коммуникантов. ЯК представлены различными языковыми единицами, однако наиболее частотными при описании данного вида НВК являются глаголы. Мы можем выделить следующие группы глаголов: глаголы звукового действия (sound); глаголы говорения (say, speak, ask, reply, address); звукоподражательными глаголами (croon словарная дефиниция (СД) to speak in a soft voice that is intended to make someone feel calm; to sing in a slow soft voice – MEDAL, 332) [MEDAL 2006]. Доминирующим при описании данного вида НВК в ситуациях маскировки эмоций является использование глагола, который модифицируется наречием, например more calmly, carefully, confidently, firmly, gently, happily, overly perky, quietly, seriously, shortly, sleepily, slowly, softly, sternly. Также достаточно распространенным является использование глаголов различного вида, модифицированных прилагательными, такими как bitter, excited, happy, skeptical, surprised, uninterested, nervous и т.д. Кроме того, стержнем структуры, используемой для описания фонационного НВК, может являться существительное tone, которое может модифицироваться прилагательными, такими как serious, calm, even и т. д.

В случаях успешной маскировки частотным является использование *мимического НВК* для маскировки истинных эмоций. Для описания данного вида НВК в ситуациях маскировки может использоваться глагол *smile*, который может использоваться изолированно, либо может быть модифицирован различными наречиями (*encouragingly, weakly, politely* и т.д.). Также существительное *smile* может выступать в роли дополнения, в сочетании с различными глаголами (*flash, force, place, plaster, offer* и т.д.); отметим, что улыбка как вид мимического НВК может описываться метафорически, например с использованием глаголов *flash*.

Для маскировки эмоциональных состояний может использоваться *респираторный и пантомимические виды НВК*. В ситуациях маскировки эмоций возможно и использование *миремического вида НВК*. Центром конструкции при описании миремического НВК является использование существительного *eye*.

Основные выводы по анализу номинаций, используемых в ситуациях успешной маскировки эмоций, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Языковая репрезентация ситуаций успешной маскировки

1. Фонационный НВК	1. Глаголы звукового действия <i>Sound</i>	Глаголы звукового действия, модифицированные прилагательными <i>sounding skeptical, sound calm</i>
	2. Глаголы говорения <i>say, ask, speak, reply, address</i>	Глаголы говорения, модифицированные наречиями <i>said softly, said firmly, asked carefully, replied sternly</i>
	3. Звукоподражательные глаголы <i>crooned chirped</i>	
	4. Адвербиально-именное словосочетание с существительным <i>voice</i> <i>his voice still calm and quiet in as friendly voice as possible her voice was casual with an even more childish voice his voice remained confident her voice shook with rage</i>	

	5. Адвербиально-именное словосочетание с существительным <i>tone</i> <i>a serious tone</i> <i>instilled the proper amount of sympathy in her tone</i>	
2. Мимический НВК	1. Глагол <i>smile</i>	Глагольно-адвербиальные словосочетания <i>smiled encouragingly,</i> <i>smiled weakly,</i> <i>smiled politely</i>
	2. Глагольно-именное словосочетание с глаголами метафорического характера <i>plaster, force, flash</i> <i>flashed his pearly whites plastered a smile on her face</i> <i>forced a smile</i>	
	3. Атрибутивное словосочетание с существительным <i>smile</i> <i>a small smile</i> <i>a hidden smile</i>	
3. Респирационный НВК	1. Глагол <i>breathe</i> , весьма часто модифицированный наречиями <i>breathed in and out,</i> <i>breathed slowly,</i>	
	2. Глаголы деятельности дыхания (<i>clear, exhale, inhale, snore</i> и т.д.) <i>he cleared his throat nervously</i> <i>he exhaled, trying to control his emotions</i>	
	3. Фразеологические сочетания с существительным <i>breath</i> <i>took a deep breath</i>	
4. Миремический НВК	1. Глагольные словосочетания с соматизмом <i>eyes</i> <i>closed her eyes</i> <i>opened his eyes</i>	
	2. Глагольные словосочетания с семантикой избегания контакта глаз <i>turned to stare out,</i> <i>refuse to look at</i> <i>avoided eye contact with her</i>	
5. Пантомимический НВК	1. Глагольные словосочетания <i>tried to hold himself together</i> и т.д. <i>Tears came unexpectedly, but she fought them back</i> и т.д.	

Итак, как показал проведенный нами на материале англоязычного художественного текста анализ языковых способов описания ситуаций маскировки эмоций, которые прошли успешно, доминирующим видом невербальной коммуникации является фонационный НВК. Наи-

более частотными видами НВК также являются мимический, миремический и респираторный, а также пантомимический виды НВК.

Литература

1. Ганина В. В., Карташкова Ф. И. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. – Иваново, 2006.
2. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. L., 2006. 1691 pp. (MEDAL)

Григорян Армине Азатовна

Ивановский государственный университет
armine_1979@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. К. ГРОТА (1895 г.)

В статье рассматриваются состав и особенности лексикографического описания терминологии сферы делопроизводства в «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота. Анализируются принципы отбора слов и групп слов данной сферы, их параметризация и лексикографическое отражение в словаре.

Ключевые слова: терминология, однословные термины, терминологические словосочетания, сфера делопроизводственной деятельности, толковые словари, словарная статья, варианты терминов, структура термина.

В ряду источников терминологии сферы делопроизводства важное место занимают толковые словари русского языка разных эпох, содержащие ценный материал для дальнейшего исследования терминов, групп терминов и терминологических сочетаний. Этот вид источников считается одним из наиболее надежных, так как в них содержится достаточно устоявшаяся и общепринятая терминология разных областей знания, в том числе и исследуемой области. Кроме того, толковые словари содержат данные, по которым можно судить об условиях появления, функционирования и употребления специальных единиц в языке.

Среди толковых словарей русского языка особое место занимает «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота, содержащий три выпуска на буквы А–Д. Как заметил В. В. Виноградов, «составленная им <Я. К. Гротом> часть академического словаря... является до сих пор непревзойденным образцом (выше по качеству лишь выпуск на «И», обработанный Щербой)» [Виноградов 1941: 383]. Словарь, согласно замыслу создателей, должен отвечать «потребностям образованного класса людей вообще» и имеет «по преимуществу практический характер». В соответствии с этим условием издание отражает «собственно общеупотребительный в России литературный и деловой язык», к которому «мог бы прибегать с пользою и литератор, и ученый» [Словарь 1895, 1: VII].

По сравнению с предыдущими лексикографическими изданиями (см. «Словарь церковно-славянского и русского языка» и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля) в словаре значительно расширен корпус терминологической лексики: «из научных и технических включены такие названия, которые могут встречаться как в повседневном быту, так и не в слишком специальных сочинениях, а также термины собственно русского происхождения хотя и малоизвестные, но могущие удачно заменять иностранные» [Словарь 1895, 1: VI]. По нашим наблюдениям, в первом томе Словаря содержится 120 специальных единиц, обслуживающих сферу делопроизводственной деятельности. Все представленные в издании научные и технические термины, в том числе и термины исследуемой области, отмечены специальными пометами, указывающими на их предметную отнесенность (*Куп.*, *Торг.*, *Арт.*, *Фабр.*, *Техн.*, *Туп.*, *Юрид.* и т. д.).

Словарь отличается особым способом построения словарной статьи, в которой отражены разные аспекты характеристики слова: лексико-семантический, грамматический, идиоматический, этимологический, историко-временной, функционально-стилистический и т. д. К некоторым словам даны дополнительные примечания энциклопедического характера, выделенные графически (начинаются с абзаца и набраны более мелким шрифтом, чем основная часть словарной статьи), например: «**Бумага**, и, ж. (новогреч. тюрк. памбук, ит. *Vambagia* хлопок). Бумага писчая, – почтовая, – александрийская. 3. Всякий письменный акт по делу, производимому в присутственном месте, как-то: отношение, прошение, жалоба, и т. п. ...*получив*

бумагу от министров Елисаветиных о разных неумеренных требованиях купечества, Годунов велел... 4. Вообще исписанный лист какого бы ни было содержания. *Только на бумаге* говорится о постановлении и правиле, существующем на письме, но не исполняемом.

Чтобы точнее указать на первоначальное значение слова *бумага*, к нему обыкновенно прибавляют прил. *хлопчатая*, так как позднейшее его значение сделалось преобладающим и под бумагою без всякого прибавления привыкли разуметь вещество, на котором пишут» [Словарь 1895: 291].

В словаре представлен и корпус терминов делопроизводительной деятельности, термины описываются с разных сторон: с точки зрения формы, значения и употребления.

Основная часть специальных единиц сферы делопроизводства – это в основном слова, перенесенные из общеупотребительного языка и ставшие со временем терминами: «**Выметка**, и, ж. Выписка из книги или рукописи; сокращенный отчет» [Словарь 1895: 653]; «**Выписка**, и, ж. 1. Действие, от глагола **выписать**. 2. Извлечение из книги, из дела и т. п. *Составить выписку из судебного дела*» [Словарь 1895: 662]; «**Выправка**, и, ж. 1. Действие, от глагола **выправить**. 2. Справка, осведомление. *Сделать выpravку*» [Словарь 1895: 668]; «**Входить**, вхожу, входят; войти, ср. 1. **Входящий**, ая, ее, *действ. прич. наст. гл. входить и прил.* 1. Входящие бумаги, получаемые в присутственном месте от других мест и лиц и вносимые в особую книгу, называемую входящею или входящим журналом» [Словарь 1895: 583]; «**Донесение**, я, ср. 1. Действие от гл. **донести**. 2. Письменное сообщение сведений или отчета лицу или месту. ...*чиновник-то осерчал и жалобу подал, донесение написал...*» [Словарь 1895: 1113]; «**Ведение**, я, ср. 2. *Стар.* Письменное сношение двух равных между собою правительственных мест. В синод послано из сената ведение» [Словарь 1895: 739]; «**Доверенность**, и, ж. 1. к кому. Уверенность в человеке, на которого можно положиться; доверие. 2. Письменный акт, которым уполномочивается кто-либо ходить по делам или исправлять какие-либо поручения» [Словарь 1895: 1065].

Достаточно большая часть представленных в Словаре терминов заимствована из других языков, а именно латинского, греческого, французского, немецкого, голландского, польского и др. (в некоторых случаях отмечены языки-посредники): «**Бланк**, а, м. (нем. с фр. blanc

белый). 1. Всякая бумага с какими-либо надписями, между которыми оставлены пробелы для означения числа, месяца, года, личных имен, цен, сроков и т. д. 2. *Юрид.* Банковский билет или вексель с передаточной надписью, но без означения, кому именно он передается. 3. Чисто отделанная пряжа» [Словарь 1895: 206]; «**Грамота**, *ы, ж.* (от греч. письмо). 1. *Стар.* Всякий письменный акт, как то: царский указ, письмо от одного государя к другому, судебный акт, завещательный и т. п. 2. Акт, данный от государя или правительства на права, преимущества, пожалование орденом или высшее звание. Жалованная грамота: а) В древней России всякий акт, предоставлявший какие-либо льготы и преимущества церквям, монастырям, различным корпорациям, учреждениям и частным лицам. б) Преимущественно: грамота, данная Екатериною II в 1785 г. русскому дворянству» [Словарь 1895: 893]; «**Адрес**, *а, м.* (фр. adresse). 1. Надпись на письме или посылке, означающая, кому и куда они должны быть доставлены. 2. Вообще указание места жительства. 3. На векселе именованное того, кому должник обязан уплатить деньги. 4. Письменное обращение учреждения, корпорации или частных лиц кому-либо с поздравлением, выражением сочувствия или благодарности, просьбою и т. п. *Адрес-календарь*, книга, содержащая общую роспись всех учреждений и чинов государства. *Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект*» [Словарь 1895: 16]; «**Акт**, *а, м.* (лат. actum, мн. acta). Документ, письменное свидетельство, удостоверение; запись. Акт домашний, – крепостной, – явочный, – мировой, – запродажный, – заемный. Акты, *ов, мн.* а) Бумаги, подлинные дела, хранящиеся напр. в архивах. б) Издания ученых обществ, академические журналы или записки» [Словарь 1895: 25–26]; «**Архив**, *а, м.* (лат. archivum от греч. – присутственное место). 1. Место, где хранятся старые письменные дела, куда сдается по мере накопления решенных, оконченных производством дела, и письма и другие бумаги. **Сдать в архив*, предать забвению, считать конченным. 2. **Заглавие периодического сборника статей исторического или филологического содержания. Северный Архив. Русский Архив*» [Словарь 1895: 72]; «**Акция**, *и, ж.* (голл. от лат. actio). 1. Документ, свидетельствующий о взносе известной суммы (пая) в общий капитал какого-либо промышленного предприятия, дающий право пользоваться выгодами его и участвовать посредством в управлении предприятием соразмерно внесенной сумме» [Словарь 1895: 27] и др.

В издании зафиксированы термины делопроизводства, не представленные в других словарях, но активно употребляющиеся в присутственных местах в качестве наименования видов документов: «**Абшид**, а, м. 2. Вид, свидетельство на увольнение» [Словарь 1895: 6]; «**Бон**, а, м. (фр. bon). *Торг.* Ярлык, записка, за чью-либо подписью, на право получения или выдачу какой-либо суммы» [Словарь 1895: 242–243]; «**Брульяр**, а, м. (от фр. brouillard от brouiller мутить, смешивать). *Торг.* Черновая приходо-расходная книга» [Словарь 1895: 274] и др.

В словаре дана и историко-временная характеристика отдельных слов. Здесь можно выделить термины-архаизмы, являющиеся, как правило, устаревшими синонимами других, более употребительных терминов и терминологических сочетаний: *ведомостной – ведомость; докончальная, докончателная грамота – мирный договор; доездная память, доезд – протокол; деловая грамота, раздельная запись – соглашение; артикул – глава или параграф в договорах, актах* и др. Фиксируются и термины-историзмы – термины, вышедшие из употребления в связи с исчезновением называемого им понятия, процесса делопроизводственной деятельности или с утратой того или иного вида документа: *архивные юноши, докладной холлоп, вкладная, вытное письмо, взметная (разметная) грамота, выходяные книги, ведение* и др.

В Словаре зафиксированы и слова простонародные (отмечены пометой «простон.»). Как правило, это производные слова от соответствующих терминов или одно из значений термина, которое закрепилось в живой речи: «**Грамотка**, ы, ж. *Простон.* уменьш. с. грамота. 1. Письмецо. 2. Бумага (деловая) и вообще: бумага, даже не писанная» [Словарь 1895: 893]; «**Документ**, а, м. 1. Документы, ов, мн. *Простон.* Особ. деловые бумаги, коими доказывается происхождение, напр., метрические выписи о рождении и крещении, дипломы на права, иногда и паспорта» [Словарь 1895: 1088] и др.

В Словаре описываются не только однословные термины (*акт, вид, адрес, бланк, документ, грамота; герб, донесение, доверенность, договор, гербовый, безписьменный, бланковый; архивариус, бланко-надписатель, векселедержатель, делопроизводитель, делопроизводство* и др.), но и терминологические словосочетания. Терминологические сочетания описываются либо в отдельной словарной статье, либо подаются в качестве иллюстративного материала: *абдикационный*

акт, банковый билет, ведомость о решенных делах, дарственная записка, долговое обязательство, деловые бумаги, входящие бумаги, долговые документы, верующая грамота, докладная записка и др. В некоторых случаях составители словаря отмечают возможность использования полного и сокращенного варианта термина. В основном это наименования одного и того же вида или разновидности документа: *владенная* и *владенная выпись* или *грамота*, *верительная* и *верительное письмо* или *верительная грамота*, *дарственная* и *дарственная записка*, *доезд* и *доездная память* и др.

Содержательная сторона терминов делопроизводства описывается в Словаре с учетом нескольких признаков – семантической структуры, соотношения значений, сходства и противопоставленности значений и форм, места термина в иерархии терминов исследуемой области. Прежде всего отмечается многозначность лексем: содержание большинства терминов представлено несколькими значениями, которые в одних случаях являются терминологическими, в других – и общеупотребительными и терминологическими: «**Доклад**, а, м. 1. Словесное или письменное представление дел к рассмотрению и решению; иногда также устное или письменное сообщение с присоединением материалов для решения какого-либо вопроса. *Приготовить дело к докладу*, собрать все нужные по делу справки, сведения и узаконения и составить о нем записку. || ...*боярам, коим дозволялось в чрезвычайных случаях, особенно по ратным делам, ходить с докладом к государю*. 2. Сообщение в ученом обществе. 3. Извещение, при котором испрашивается позволение или согласие на прием посетителя. 4. Вообще: сообщение известия высшему лицу от низшего. 5. *Стар.* Род судебной записки» [Словарь 1895: 1083–1084]; «**Дело**, а, мн. дела, дел, *ср.* 1. Все, что составляет предмет упражнения; работа, труд, обязанность, занятие, должность. Письменное производство в присутственных местах. Подать дело на справку. [Словарь 1895: 1231–1232]. В Словаре зафиксированы и дефинитивные термины, форма которых в достаточной степени раскрывает содержание называемых ими понятий: *безписьменный*, *векселедатель*, *векселедержатель*, *бланконадписатель*, *делопроизводитель* и др. Подобные специальные единицы представлены в значительном количестве и в терминосистеме современного делопроизводства.

Словарная статья построена таким образом, что позволяет рассмотреть единицы с учетом места называемых терминами понятий в иерархии терминологии документной деятельности – к некоторым родовым понятиям даны видовые термины: *акт* – *домашний, крепостной, явочный, мировой, запродажный, заемный*; *билет* – *банковский, кредитный, на постой, на жительство*; *владенная* – *выпись, запись, грамота, письмо, докладная* – *записка, список, день*; *верительная* – *грамота, письмо*; *долговая* – *книга, обязательство, акт, документ, требование*; *документ* – *торговый, коммерческий, исторический, долговой*. Такое построение словарной статьи дает возможность установить соотношение отдельных видов и разновидностей документов, их соответствие обозначаемому понятию, степень их родства, особенности их применения в деловой практике.

Составители Словаря отмечают вариантность и дублетность терминов, касающиеся произношения, написания, морфологических форм: *ге'рбовый* и *гербо'вый*, *докончальный* и *докончателный*, *документный* и *документовый*, *верительная* и *верючая*; в некоторых случаях в словарной статье указывается рекомендуемый вариант: *дубликат* и *дуликат* 'правильнее' [Словарь 1895: 1194], *донесение* и *доношение* 'нерекоменд.' [Словарь 1895: 1115].

Привлечение материалов первого тома «Словаря русского языка» под редакцией Я. К. Грота в качестве источника терминологии позволяет расширить наши представления о корпусе специальной лексики, применяемой в сфере отечественного делопроизводства в разные исторические периоды. Важно подчеркнуть и качество лексикографической разработки языкового материала, которое дает возможность установить происхождение термина и его историко-временную отнесенность; увидеть особенности формы, содержания и реальное функционирование терминологии делопроизводства в языке; соотнести зафиксированную в Словаре официально-деловую лексику с терминологическими единицами современной документной деятельности.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // Язык газеты. – М.: Л., 1941.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1989–1991.
3. Словарь русского языка. Т. I (А–Д) / под ред. Я. К. Грота. – СПб.: Императорская Академия наук, 1895.

Жмурко Ольга Ивановна

Ивановский государственный университет

г. Иваново, Россия

oizhmurko@mail.ru

Ростов Олег Робертович

Ивановский государственный политехнический университет

г. Иваново, Россия

olegrost@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА НОМИНАЦИЙ ОДЕЖДЫ

(на материале лексики говоров Ивановской области)

Анализируется отражение динамики оценки функциональности одежды в номинациях данной тематической группы.

Ключевые слова: лексическая номинация, прагматическая номинация оценочность предметно-бытовой лексики, сильная и слабая аксиологическая оппозиция, функционально-аксиологические наименования-указатели.

Как известно, «язык может изучаться двояко: в отвлечении от жизни и в своей в нее погруженности». При этом связь языка «с жизнью и психологией человека ярко проявляет себя в формировании модальных и оценочных значений» [Арутюнова 1988: 4]. Современные антропоцентрически ориентированные лексикологические исследования доказывают, что едва ли не любая полнозначная лексема-номинация в той или иной мере является аксиологическим маркером обозначенного ею объекта (явления) действительности, его конкретных свойств, качеств. По мнению Т. И. Вендиной, само «осмысление оцениваемого в языке происходит через номинацию, через выявление и актуализацию в слове того конкретного смысла, который имеет тот или иной объект для познающего субъекта» [Вендина 2002: 276]. При этом лексика народных говоров являет оценочность такого рода, пожалуй, наиболее ярко. В данной связи, вероятно, можно говорить о том, что одним из первых в отечественном языкознании эту особенность народного языка подметил В. И. Даль, когда предложил взглянуть на язык как на «мерило наше умственное». Обозначить таким образом по сути аксиологический план языка ему позволили прежде всего собственные наблюдения над говором простолюдинов, «живым языком русским».

Современные исследования отраженных в лексике знаний диалектоносителя о мире, о себе и своей деятельности наглядно подтверждают, что «главными для человека являются повседневные категории, за которыми стоят повседневные понятия – стихия материальной, приближенной к человеку повседневной жизни. В целом в повседневной жизни преобладает прагматический мотив, поэтому важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов: знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах, и знание рецептов, связанное с человеческими взаимоотношениями. Значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем» [Жмурко 2011: 211]. Одним из показательных в этом отношении отрезков повседневной действительности является ТГ «Одежда» [Ростов 2006, 2013], например, аксиологическая составляющая и динамика оценки номинаций одежды. В настоящей статье названия предметов одежды и суждения о ней диалектоносителей были выбраны из Картотеки лексики говоров Ивановской области кафедры русского языка и методики преподавания ИвГУ и собственных диалектных материалов О. Р. Ростова.

Традиционная модель качественных оценок хорошо – нейтрально – плохо по отношению к одежде обычно представлена сильной оппозицией хорошо – плохо. Критерием оценки при этом служит функциональность одежды, т.е. ее способность быть одеждой: функционально полноценная одежда воспринимается как хорошая, плохой считается функционально неполноценная (поврежденная и изношенная) одежда. Однако анализ речевых контекстов выявляет специфику оценки диалектоносителями «потребительских» качеств одежды. Связана она с бережливостью сельских жителей, с их стремлением использовать одежду как можно дольше: «...все, если уж даже не новое, но чистое, должно быть заплатамное, ни единой дырки. Ла'ты нечего стыдиться...» (Савинский р-н, п. Савино, 2000); «Ты валенки-то эти не выбрасывай, а кому подшить отдай. Крепкие ведь еще. Жалко. Еще походишь зиму-то в них потом»; «Одежу-то раньше берегли, долго старались носить, не выбрасывали сразу-то. Настоящую-то обнову-то нелегко было справиться. Старой одежей старались обойтись по возможности: штопали ее, латали, перелицовывали и снова потом носили такую обновку» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2004–2005). Из примеров видно, что поврежденная, но подлежащая ремонту одежда продолжает восприниматься в качестве одежды, ведь будучи отреставрированной, она восстанавливает часть своих полезных качеств и может вновь использоваться по назначению, хотя и с оговорками. Отрицательная оценка поврежденной оде-

жды, по сравнению с одеждой неповрежденной, накладывается на понимание того, что поврежденная, но отреставрированная одежда – это «еще годная», а значит хорошая одежда, ведь положительная семантика слова *годный* вне сомнений [Даль 2002: I: 365]. Однозначно оценивается как плохая лишь та одежда, которая исчерпала весь свой ресурс, безвозвратно потеряла в функциональности и не подлежит ремонту. Такая одежда по сути ею уже и не является: «*Ту одежду, что не ношу, которая в сарайке лежит, так это – рвань, ветошь одна*»; «– *На огороде в чем работаешь? – Ну, в чем похуже... Но не в рунье...*» (Савинский р-н, п. Савино, 2000).

Налицо взаимосвязь трех аксиологических оппозиций и трех-частная же сегментация данной «картинки жизни» по наличию/отсутствию у предметов одежды качеств и свойств, необходимых для того, чтобы быть одеждой, выполнять основные ее функции: 1) **хорошая одежда//плохая одежда** vs функционально полноценная//функционально ограниченная (поврежденная) – *слабая оппозиция*; 2) **условно хорошая одежда//плохая одежда** vs функционально ограниченная (поврежденная)//нефункциональная (изношенная) – *слабая оппозиция*; 3) **хорошая одежда//плохая одежда** vs функционально полноценная//нефункциональная (изношенная) – *сильная оппозиция*. Границы этих оппозиций и место каждого предмета одежды на функционально-аксиологической шкале **одежда – пока еще одежда – не-одежда («бывшая одежда»)** маркируются *функционально-аксиологическими наименованиями-указателями* [Ростов 2006, 2013].

Среди оценочных маркеров-указателей функционально полноценной (хорошей) одежды примечательны номинации только что изготовленной или купленной одежды *обнова, обновка, обновы*: «*Машинку надо в избе... и обновку какую пошить...*» (Савинский р-н, д. Кривоносово, 2013). С одной стороны, сведения о том, что та или иная одежда *новая*, оцениваются человеком положительно, ведь здравый смысл, опыт подсказывают ему, что эта одежда имеет весь набор требуемых функциональных качеств: «*Хороша, хороша обнова-то тебе досталась! Носи на здоровье!*» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2014). Однако обозначения новой одежды – это для человека и своего рода номинации-«ожидания», ведь *обнова* должна «зарекомендовать» себя в его повседневной практике: как подтвердить «ожидаемые» – потенциально известные ему, так и выявить скрытые пока «потребительские» свойства: «*Может, до центра в обновах-то пройдешься? Я хоть гляну, как они... Или не понравились брюки-то? А на вид ничего, хороши*

вроде» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2014). Номинант начнет их фиксировать, как только новая одежда войдет в его быт, будет опробована: *обновлена, пообношена, разношена, пообтопчена* и пр. Уже после этого номинации новой одежды утратят актуальность, ибо одежда будет для человека просто одеждой, но в его сознании сложится мнение о ее главных качествах, свойствах. И коммуникативно-актуальными станут уже так называемые *прагматические номинации* – своего рода рецепты использования одежды в быту. Они индивидуализируют назначение бывшей *обновки*, закрепляют иную полезную информацию, в т.ч. об изготовлении и способах ношения одежды: *будник, дождевик, домашник, ветровик, пыльник, сенокосница, смертное; валенки, безрукавка, дубленка, катанки, кирзачи, босовики, босяки*. Хотя прагматическим обозначениям не присуща роль специального оценочного маркера функционально полноценной одежды, но рождаются они в языковом сознании именно на фоне в целом позитивной ее оценки. Человек активно пользуется ими, пока эта оценка не начнет меняться в сторону ухудшения из-за повреждений, ветшания, износа одежды.

Этапы постепенной переоценки одежды от плюса к минусу также отражены коллективным номинантом. Так, для обозначения **функционально ограниченной (годной, условно хорошей) одежды** в ивановских говорах используют номинации *латанье, штопанье, ушиванье, латанка, латаное, штопаное*: *«Латанья всякого набралось. Хоть заняться вечером маленько»*; *«Эта куча – штопаное, переглядить вот бы ее тоже»* (Шуйский р-н, п. Колобово, 2013). Спектр признаков прагматического плана, вербализуемых в отношении поврежденной одежды, сужен до общих указаний на предстоящее реставрационное действие и проведенную реставрацию. Но и этого достаточно, чтобы если не снять негативное впечатление от реалий, то хотя бы смягчить его, сместив вектор их оценки от **плохо к не хуже и лучше**: *«Брат всегда с латаньем ходил. Что хорошую одежду мартать?»* (Вичугский р-н, г. Вичуга, 2000); *«Подшитые-то валенки, если подшиты хорошо, не хуже и новых»* (Шуйский р-н, п. Колобово, 2004–2005); *«С заплаткой-то все лучше, чем худая. Под свитером все равно ее не будет потом видать»* (Шуйский р-н, п. Колобово, 2014). Данные номинации дают понять, что если **плохая** одежда еще **хороша** для починки, то **хороша** она (*сгодится*) и для того, чтобы еще послужить по своему главному назначению: *«Худые валенки были. Выбросить уж хотела совсем. А хозяин подшил подошвы да голенища сверху маленько обрезал у них. Дома ходить куда-зачем сгодятся еще. Заместо чunek будут»* (Шуйский р-н, п. Колобово, 2004–2005).

Однако многократные реставрации (*штопка, латанье(е), платание, ушиванье(е)*) мало-помалу начинают снова ухудшать оценку функциональности одежды. Их результаты постепенно перестают удовлетворять человека, и в какой-то момент он уже окончательно переводит такую одежду в разряд **плохой**, т.е. воспринимает ее уже как практически никуда не годную *латанину, латань*: «*Да куда уж ее беречь-то? Одна латанина шита-перешита. Выбросить только, да рази вот на тряпки*»; «*Тута-тко уж и ушивать-то неча. Латань одна и так*» (Савинский р-н, д. Кривоносово, 2013). Если в данных номинациях прагматический фактор еще играет определенную роль, то в других обозначениях **нефункциональной (плохой) одежды** – *лопоть, лохонье, ошметки, руз, рузье, рубище, рунь, рунье* – прагматические признаки реалий в настоящее время уже практически деактуализированы. А потому стержнем в комментариях информантов нередко является как раз оценочное суждение: «*Раньше хоть тряпейник ездил бывало. Было кому плохую одежду – лопоть да лохонье всякое – сбазрить*» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2014). Когда-то важные и значимые для человека, эти предметы, перестав удовлетворять его своими «потребительскими» качествами, перестали для него быть и собственно одеждой. Номинанту существенно лишь оформить переход нефункциональных реалий в разряд **не-одежды**. Это ведет к тому, что ряд обозначений ветхой одежды (*ветошь, борошно, шобон, шобонье, шобоно*) используются в местных говорах и за пределами ТГ «Одежда»: для номинации старых изделий из ткани (половиков, занавесок, скатертей, постельного белья и т. п.), поломанной мебели, битой посуды и т. п.

Особый интерес среди функционально-аксиологических наименований-указателей представляет номинация *неснос*, которая в зависимости от речевой ситуации обозначает разные виды одежды, обуви, рукавиц. Объективно эта номинация указывает на износостойкость обозначенной ею реалии: «*Одежа какая, или обувь, или еще чего такое. Если долго носишь ее, а она – все новая кажется, вроде и не изнашивается, то и неснос называют*» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2004–2005). А устойчивость одежды к физическому износу для бережливого и практичного сельского жителя – всегда желательное и особо ценное качество. Ведь если одежда кажется ему таковой, то он смотрит на нее сугубо положительно, т.е. оценивает ее как хорошую: «*Раньше обувь-то прочная была, хорошую делали, не то, что сейчас*»; «*Плотнее матерьял-то лучше бы выбрать. Дольше проносится костюм-от. Чай, не на вырост ему уж*» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2012–2014). Однако наблюдения над функционированием номинации *неснос* в живой речи показывают, что

информанты практически не актуализируют ее положительную аксиологическую семантику. Наоборот, они используют эту лексему, чтобы выразить свое скорее отрицательное или, быть может, отрицательно-ироничное, отношение к тому или иному предмету одежды: «Опять она надела свой неснос <...>. Как ни погляжу – все в нем да все в нем. Все лето вижу ее так»; «Бросила бы ты уж платок-от этот к чертям. Дался он те. Али неснос какой он у тя, что ли? Ходишь в нем, как пыриха, везде: и в пир, и в мир. Самой, чай уж, надоел, наверно. А новая вязенка лежит, берегется неизвестно, для кого. Вот ее и повязывала бы уж, а то моль изъест, лежавши да берегши» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2004–2005, 2014). Вероятно, это можно объяснить тем, что посредством рассматриваемой лексической единицы языковое сознание фиксирует функциональную аномалию одежды, противоречащую и здравому смыслу, и практическому опыту человека, который знает, что суперизносостойкость – неизнашиваемость – одежды, а именно эту семантику и объективирует номинация *неснос*, – явление хоть и желательное, но нереальное. А потому и говорить о ткани, одежде, обуви, «коей нет износу» [Даль 2002: II, 535], всерьез – это все равно, что рассуждать о том, чего не бывает: хотя и можно, но бессмысленно. Вот и ценит человек на деле просто *носкую одежду, носкую обувь, ноские рукавицы* и т.п.: «Фланелеву рубашку зимой люблю: потолще она, теплее в ней, да и хорошо, что ноская...»; «Носки эти хорошие – и теплые, и ноские» (Шуйский р-н, п. Колобово, 2014). Эти атрибутивные словосочетания соответственно маркируют положительное восприятие одежды человеком, вот и отмечает он номинацию-аномалию *неснос* по большей части отрицательным оценочным знаком.

Таким образом, результатами данного исследования не только подтверждаются, но и развиваются сделанные ранее выводы о том, что «языковое сознание в первую очередь вербализует практически полезную информацию об одежде. Главное внимание уделяется языковому выражению двух основных составляющих – аксиологической и прагматической» [Ростов 2006].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. 336 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2002.
4. Жмурко О. И. Диалектный словарь с позиций теории языковой личности

- // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 2. Вып. 3. С. 210–214.
5. *Ростов О. П.* Антропоцентрическое описание номинаций одежды (На материале говоров Ивановской области): дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2006. 178 с.
 6. *Ростов О. П.* Ивановские народные номинации одежды: антропоцентрическое описание: монография. – Saarbrücken (Germany): LAP, 2013. 172 с.

Карташкова Фаина Иосифовна

Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
kartashkova@rambler.ru

АНТОНИМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению антонимических номинаций в прагмалингвистическом аспекте. Показано, как формируются имплицитные метафорические номинации. Анализ фактического материала сосредоточен на интенциональности антонимических номинаций.

Ключевые слова: антонимические номинации, метафора, имплицитный, интенциональность.

Известное сосюровское положение о том, что весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях [Сосюр 1977: 41], дает основание полагать, что "весь прогресс исследования языка есть не что иное, как открытие в нем сходного и разного, их бесконечных в количественном и содержательном отношении "отличий" [Холодов 1992: 82]. В аспекте проблемы сходства и тождества могут быть рассмотрены различные проблемы языкознания, и прежде всего такие феномены языка, как синонимия и антонимия. Ведь именно степень и необходимость познания языковым коллективом сходного и разного современные исследователи относят к движущим силам развития языка [Холодов 1992: 73].

В течение долгого времени антонимы рассматривались лишь в парадигматике, однако в связи с коммуникативным подходом в лингвистике наметилась тенденция к исследованию проблемы антонимии на уровне речи. Как справедливо отмечает Е. Н. Миллер, "про-

тивопоставленные в речи антонимы – это именно тот случай, когда их противоположные значения и противоположность их значений проявляются в наибольшей степени" [Миллер 1985: 52].

Если же вместо понятия антонимии воспользоваться понятием антонимической оппозиции, введенным Ю. Н. Карауловым [Караулов 1976: 110], то вопрос о границах между антонимией и неантонимией находит свое разрешение: слова, специально предназначенные для выражения отношения противоположности, не противопоставляются резко словам, которые этой функцией не обладают. Граница между антонимией и неантонимией не является раз и навсегда фиксированной, она ситуативна и динамична [Михайлов 1987: 76]. Таким образом, в современной трактовке антонимия есть свойство не только единиц языка, но и речи.

На наш взгляд, роль субъективного фактора, и прежде всего креативного потенциала говорящего, недооценивалась в традиционной лингвистике. Коммуникативно-прагматический подход позволяет предположить, что антонимические номинативные единицы в речи обусловлены как противоположностями объективной действительности, так и способностью человеческого мышления противопоставлять объекты действительности по определенным признакам, то есть противопоставлять определенные свойства одного объекта определенным свойствам другого объекта. Иначе говоря, употребление антонимов в речи в значительной мере есть результат креативного потенциала говорящего/номинанта, намеренно противопоставляющего один объект другому, фокусируя при этом свое внимание на противопоставленности определенных признаков, которые оказываются наиболее релевантными для говорящего в данной ситуации речевого общения. Вследствие этого слова, которые не являются антонимами в языке, оказываются антонимами в речи на основании противопоставления определенных свойств (внеязыковая реальность), которым соответствуют те или иные дифференциальные признаки (языковая реальность).

Итак, трактовка явления антонимии в ракурсе деятельностно-го подхода вносит определенные коррективы в анализ причин возникновения и функционирования антонимических номинативных единиц: на передний план выдвигается фактор интенциональности. Когда говорящему необходимо подчеркнуть тот или иной признак номинанта, то в определенных эпизодах речевого общения он пред-

почитает сделать это путем противопоставления дифференциальных признаков номинатов.

Важно также подчеркнуть, что современная трактовка антонимов (с учетом последних достижений в лингвистике, в том числе и в теории номинации) позволяет рассматривать в качестве антонимов не только слова, но и номинативные единицы большей протяженности, обладающие противоположным значением. В таком случае увеличивается общий фонд антонимов для обозначения всех реально существующих противоположностей, познаваемых человеком и отражаемых в языке. Особый интерес представляют случаи, когда номинат называется разными номинантами по-разному в соответствии с их интенцией, причем как в одном, так и в другом случае называние осуществляется не прямо, а косвенно, в результате чего формируются имплицитные высказывания: Dr. Albert Sabin, a bitter rival in the race for a polio vaccine, derided it as "pure kitchen chemistry". Salk saw it differently. The Harvard team "threw a long forward pass", he said. "I caught it". Doing so, he scored a goal for all humanity (Newsweek, 1995, 7/3, 49).

Здесь речь идет об известном американском биологе Джонасе Солке, внесшем значительный вклад в разработку проблемы вакцинации против полиомиелита. Его соперник по биологическим исследованиям Альберт Сабин, обсуждая эксперименты своего коллеги, называет их метафорически, используя именную фразу *pure kitchen chemistry*. Интенция говорящего, использующего данную метафору для характеристики результатов экспериментов Джонаса Солка, носит дерогативный характер: употребление фразы *kitchen chemistry* имеет целью дать низкую оценку исследованиям Солка. Ядерным элементом данной фразы оказывается неконнотированное существительное *kitchen* (словарная дефиниция – a place where food is cooked or prepared; WN, 667). Однако в функции препозитивного определения к существительному *chemistry* оно приобретает отрицательную коннотацию, и вся фраза определяет уровень исследований биолога Солка как несоответствующий и недостаточный. Тем не менее, Альберт Сабин не называет своего коллегу, с которым он соперничает, прямо. Рассмотренная выше метафорическая фраза имплицитно негативную характеристику Джонаса Солка как ученого. Данные рассуждения можно представить в виде логической цепочки: *pure kitchen chemistry* – experiments carried out in such a way are of disputable character – the scientist who is carrying out such experiments can't be considered as a competent one.

Кроме негативной характеристики ученого-биолога Солка, которую имплицитно высказывает его коллега Альберта Сабина, в анализируемом текстовом отрезке находим и другую, противоположную оценку трудов Солка. Подобная оценка имплицитно высказана в метафорическом высказывании самого Солка: I caught a long forward pass [sent by Harvard team]. Высоко оценивает достижения Солка и автор статьи об этом ученом (журналист Ньюсуика), который излагает свою точку зрения также в метафорическом ключе: hes scored a goal for all humanity. Представляется, что использование спортивной (футбольной) лексики в данном случае объясняется стремлением говорящих (самого Солка и подхватившего данную метафору журналиста) к созданию образа Джонаса Солка как ученого, который своими исследованиями в области биологии достиг мечты человечества – создать противополиомиелитную вакцину. Напомним, что словарь определяет существительное *goal* как the terminal point of a race (WC, 499), а глагол *score* как to gain (a point) in a competitive event (WN, 1047).

На основании словарных дефиниций рассматриваемых языковых единиц, а также с учетом прагматического контекста имплицитный коммуникативный смысл можно без труда эксплицировать и представить в виде следующих логических рассуждений: Из высказывания говорящего 1 (Джонас Солк) вытекает: to catch a long forward pass thrown by Harvard team – to achieve a good result – to gain in a competition. Эту мысль развивает говорящий 2 (журналист, автор статьи о Солке): to score a goal for all humanity, из чего вытекает: the result achieved by Salk in his scientific experiments are of great value. Таким образом, информативный коммуникативный смысл, выраженный в рассмотренных высказываниях опосредованно, может быть эксплицирован так: Salk is a distinguished scholar, a competent scientist. Итак, номинат Солк в анализируемом текстовом отрезке называется и оценивается разными номинантами, что позволяет усматривать здесь метафорическую антонимическую номинацию.

Приведем еще ряд подобных и, возможно, более иллюстративных примеров: ...a big fuss to the effect that the Russian lion howled at the Caucasian jackals (MN, 1995, 33). Здесь с помощью существительных *lion* и *jackal* называются представители воюющих сторон, одной из которых является большая, сильная Россия, а другой – маленькая Чечня. Иллюкативная цель данного высказывания заключается в противопоставлении указанных номинатов. Имена *lion*, *jackal*, используемые говорящим для противопоставления номинатов, не являются языковыми

антонимами, о чем свидетельствует сравнительный анализ словарных дефиниций данных имен: *lion* – a large carnivorous feline mammal (WN, 697); *jackal* – a dog like carnivorous mammal of the genus *Canis* of Africa and Asia (WN, 649). Очевидно, что главным мотивом выбора имени *lion* для называния воюющей России послужили такие дифференциальные признаки, содержащиеся в семантической структуре данного существительного, как *large*, *strong*. Использование косвенного имени в данном случае, а именно существительного *lion*, прямая номинативная функция которого состоит в обозначении животного, ведет к созданию ассоциативно-образной связи. Сказанное в равной степени относится и к выбору имени *jackal* для называния кавказских / чеченских боевиков, одним из дифференциальных признаков которого является такой семантический множитель, как *wild*. Однако противопоставление данных имен идет по линии противопоставления семантических признаков, содержащихся в семантической структуре актуализированных существительных *lion*, *jackal*, выделяемых говорящим на основе пресуппозиции. Так, из картины мира известно, что лев, царь зверей, большой и сильный, а шакал, по сравнению со львом – маленький и слабый.

Таким образом, главным для говорящего/номинанта оказывается важным не столько подчеркнуть тот или иной признак номината, сколько акцентировать противоположные признаки называемых объектов, для чего используются имя 1 *lion* и имя 2 *jackal* (оба из которых есть имена животных, что создает, как уже отмечалось, ассоциативно-образную связь), которые оказываются в данной речевой ситуации метафорическими антонимическими номинациями.

В следующем высказывании антонимическая номинация является разнофокусной: имена дают разные номинанты, что естественным образом ведет к вариативности номинаций: ... one theory held that McVeigh was a mere "mule" for a cabal of embittered special Forces commandos. Lately, however, investigators have been theorising that McVeigh as the ringlet after all (Newsweek, 1995, 5/15, 34). Называя одного из американских террористов *mule* (словарная дефиниция – a sterile hybrid of a male ass and a female horse; WN, 775), говорящий, с одной стороны, передает отрицательный спектр чувств по отношению к номинату, поскольку в семантической структуре имени *mule* сема 'hum' представлена со знаком минус. С другой стороны, из картины мира известно, что мул – вьючное животное, эксплуатируемое человеком, что позволяет выделить в семантической структуре актуализированного существительно-

го сему 'exploited'. Однако согласно другой версии номинат оказывается вовсе не рядовым террористом, а главарем мафиозной группы, что позволяет назвать его *ringle* (словарная дефиниция – a leader of a ring of individuals engaged in esp. in improper unlawful activities; WC, 1010) и выделить в семантической структуре данного слова такие дифференциальные признаки, как *dominating, exploiting*. Данные признаки противопоставляются признакам *subordinate, exploited*. Данный пример свидетельствует о том, что антонимические номинации могут формироваться в речевом общении даже за счет языковых единиц (в частности, существительных) различных лексико-семантических групп. Определяющим фактором в выборе имен в подобных случаях служит противопоставление определенных признаков объектов реального мира, с которыми говорящий сравнивает номинатов. Имена таких объектов чаще всего являются основой ассоциативно-образной связи, детерминирующей те или иные чувства – отношения говорящего по отношению к номинату.

Итак, антонимические метафорические номинации теснейшим образом связаны с оценочной деятельностью говорящего/номинанта. Метафорические номинации могут передавать как положительную, так и отрицательную оценку номината, причем последняя превалирует над первой. Трактовка явления антонимии в ракурсе деятельностного подхода вносит определенные коррективы в анализ причин возникновения и функционирования антонимических номинативных единиц: на передний план выдвигается фактор интенциональности. Для говорящего/номинанта оказывается важным не столько подчеркнуть тот или иной признак номината, сколько акцентировать противоположные признаки называемых объектов.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
2. Миллер Е. Н. Антонимия номинативных единиц в современном языке. – Куйбышев, 1985.
3. Михайлов В. А. Генезис антонимических оппозиций. – Л., 1987.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
5. Холодов Н. Н. За древними тайнами русского слова «И» – тайны иных масштабов. – Иваново, 1992.

Источники и их сокращения

1. Newsweek
2. MoscowNews–MN

Использованные словари и их сокращения

1. Webster's Collegiate Dictionary. 10th ed. Springfield, Massachusetts, 1994 – WC.
2. Webster's New Riverside University Dictionary, Boston: The Riverside Publishing Company, 1984 – WN.

Климкова Людмила Алексеевна

Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского
г. Арзамас, Россия
dialekt_arz@mail.ru

ПРОЗВИЩНАЯ НОМИНАЦИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

В статье дается общая оценка прозвищ (как компонента неофициального именованья человека) через призму основных черт традиционного фольклора. Особое внимание обращается на коннотативную окрашенность прозвищ в ее зависимости от отношения к норме и от типа номинации.

Ключевые слова: прозвище, неофициальность, фольклор, традиция, норма, тип номинации, мотивированность, коннотация, текст, тип текста.

Представляется закономерным, естественным рассматривать прозвищную номинацию как компонент языковой картины мира через призму устного народного творчества. Традиционное понимание его выражено в высказывании одного из корифеев советской фольклористики – В. П. Аникина: «Традиционное коллективное устное художественное творчество народа – вот что такое фольклор в самом кратком определении» [Аникин 1987: 32]. При этом признак *художественности* имеет, по его классификации, и собственно художественный фольклор (сказки, загадки, песни старинной формации – балладные, лирические, детский фольклор во всех его жанрах – колыбельные песни, потешки, считалки, дразнилки, подделки, остроты, скороговорки и др., ярмарочный фольклор, песни новой формации – романсы, частушки, театр и др.), и бытовой обрядовый фольклор (календарный, свадебный, заговоры, трудовые песни, причитания), и общемировоззренческий необрядовый фольклор (паремии, предания, былички, легенды, бывальщина, песенный эпос – былины, исторические песни, духовные песни и стихи) [см.: Аникин 2001].

Однако такое понимание фольклора в конце XX – начале XXI вв. признается узким, не охватывающим все его пространство, а утверждение обязательной художественности произведений фольклора – слишком категоричным, поэтому он видится как «культурное поле, не имеющее четких межей, и оно состоит из множества субкультур, обладающих своими конкретными особенностями, связями, и это поле открыто» [Путилов 2003: 48]. При таком расширенном понимании пространства фольклора на современном этапе его существования (стадия постфольклора) это – «целостная картина мира современного общества, состоящая “из множества элементов – от народных песен до манеры давать клички животным и подзывать их к себе, от народного жилища до народной кухни”» [Костюхин 2003: 12], от расистских надписей на стенах до творчества водителей маршрутного такси [Шафранская 2008: 11]. Примыкает к сказанному и такое свидетельство: «В то же время группа студентов-однокурсников, живущих в одном общежитии в течение пяти лет, вполне способна продуцировать устойчивую группу нарративов, паремий, поверий, прозвищ и т. д.» [Богданов 2001: 60; Шафранская 2008: 13]. И как общая рекомендация – признание: «Перспективно включить в сферу фольклора всю традиционную словесность, которая выражена в виде текста, словесных формул, повторяющихся выражений, слов, понятных, знакомых и привычных для данного коллектива» [Шафранская 2008: 9].

Таковыми единицами являются прозвища как знаки дополнительного именованья человека, получаемые им в узком социуме, в коллективе, где каждый знает всех и каждого с их (его) сильными и слабыми сторонами, где выстраиваются различные событийные ряды, проявляющие те или иные качества членов коллектива [ср.: Подольская 1988: 111]. Они входят в неофициальную структуру именованья русского человека, наряду с трансформированными персонажами, псевдонимами, различными вариантами полной, трехкомпонентной, официальной антропонимической структуры (личное имя в полной форме + отчество + фамилия). Мы имеем в виду, прежде всего, прозвища, функционирующие в диалектных микросистемах, совокупное множество которых составляет диалектный язык как макросистему, репрезентирующую диалектную языковую картину мира.

В силу своей неофициальности (дополнительности, необязательности), узкой локальности, малоизвестности (в смысле неизвестности за пределами данного социума), отсутствия письменной закреплённости прозвища входят в категорию *микро*, являясь микро-

антропонимами [см.: Суперанская 1973: 165–170; ср. о микропонимах: там же, а также: Климкова 2007: 75–79].

По причине своей факультативности прозвища в синхронии долгое время оставались вне поля зрения исследователей. В то же время они, прежде всего индивидуальные, представляют собой высокоинформативные единицы.

Прозвища вполне можно рассматривать в пространстве фольклора как один из его элементов, жанров, прежде всего, конечно, те, что бытуют в диалектных микросистемах. О них можно сказать то же, что в свое время сказал В. Г. Белинский о русских народных сказках: «В них виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия, и этот лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве» (из статьи «О народных сказках»).

Соотносительно с этим признанием и более позднее по времени высказывание о сказках, современного фольклориста: «Народ видел недостатки и в собственной бытовой жизни, сказки помогали ему искоренять их. Они высмеивают ленивых, глупых и непрактичных людей, пустых мечтателей, высмеивают упрямство, болтливость, скупость, пьянство» [Круглов 1988: 22].

То же делали и делают прозвища, являясь при этом очень экономным средством – словом или его эквивалентом. Им свойственны дифференциальные черты традиционного фольклора: *устность* – являясь неофициальными знаками личности, прозвища функционируют в устном общении жителей того или иного населенного пункта, будучи лишены письменной фиксации; *коллективность*, как и в традиционном фольклоре, проявляющаяся в «безавторстве», *анонимности* прозвища; конечно, на этапе возникновения единицы автор был, кто-то же первый, что называется, «окрестил» своего односельчанина прозвищем, но, подхваченное жителями, оно, как правило, теряет автора и живет как продукт коллективного творчества; отличие прозвищ от других фольклорных жанров здесь в том, что они функционируют в пределах одного более или менее узкого коллектива, каким являются жители одного населенного пункта (прозвища известны всему коллективу, как и мотивировка их или ее отсутствие, если номинанта пережила процесс демотивации – полной или частичной); здесь коллективность как признак прозвищ сопряжена с узкой локальностью, или корпоративностью (о корпоративности считается предпочтительнее говорить относительно прозвищ в

узких коллективах внутри городской среды). Свойственна рассматриваемым единицам и *народность*. При этом коллективность и народность являются своеобразными синонимами, различаясь семантическим объемом, диапазоном действия: коллективность – относительно конкретной системы прозвищ в конкретном коллективе, народность же – относительно самого факта существования прозвищной номинации и прозвища как компонента неофициальной структуры именованного человека. Кроме того, в диалектных микросистемах значителен пласт тезоименных прозвищных единиц – номинально одинаковых при различии их референциальной сущности. Расширяют границы локальности (оставаясь локальными) и коллективные прозвища, отмечающие жителей того или иного населенного пункта и функционирующие в смежных микросистемах (часто рассматриваются в пределах этнонимии).

Не вызывает сомнений отношение к прозвищам такого признака фольклорности, как *традиционность*. Прозвища живут в диалектной микросистеме и сохраняются в ней по традиции, остаются в памяти диалектоносителей даже после ухода в мир иной обладателя того или иного прозвища. В целом они живут меньше времени по сравнению, например, со сказками – на протяжении жизни трех-четырех поколений. Они воспроизводятся спонтанно в текстах различного характера – констатирующих, идентифицирующих, бытийных, экзистенциальных, описательных, повествовательных, мотивационных и др. [см.: Климкова 2011: 152–157; 2013: 78–81; ср.: Гузнова 2014: 62–66], являясь их сигналами. При этом каждое прозвище представляет собой компонент микроантропонимического комплекса, возглавляя его [ср.: Климкова 2008: 304–312]. Сами типы текстов являются достоянием системы, традиции, реализуясь в многочисленных текстах – дискурсе. Таковы же принципы, способы и типы прозвищной номинации и деривации.

Можно говорить и о таком фольклорном признаке прозвищ, как *инклюзивность* – включенность каждого прозвища, каждого прозвищного комплекса в единую микроантропонимическую и в целом – онимическую систему говора как часть общей, целостной диалектной системы, репрезентирующей этническую языковую картину мира.

Что же касается такой традиционной черты фольклора, как *вариативность*, то она в прозвищной номинации проявляется своеобразно: менее свойственна самим прозвищным единицам (здесь доминирует стабильность в микросистеме), более же – текстовой

части микроантропонимических комплексов, текстам, в том числе мотивационным (при этом типы текстов стабильны, а вариативность отличает их реализацию в речи) [ср.: Шафранская 2008: 9–15].

Безусловно, прозвищам присущ такой признак, как *художественность*, связанный с отсутствием у них стилевой и коннотативной нейтральности.

Таким образом, в прозвищной номинации проявляются как интегральные фольклорные признаки, так и дифференциальные.

Систему прозвищ составляют единицы разных типов: коллективные, групповые, семейно-родовые, коллективно-территориальные, школьные, молодежные, индивидуальные и др. Наиболее информативны и разнообразны индивидуальные прозвища.

Свой взгляд на прозвищную номинацию мы основываем, в частности, на знании ее в нижегородских диалектах. Прозвища в них представляют собой актуальный разряд онимов, неоднородный по нескольким признакам: по принципам, способам, типам номинации; по внутренней форме, по наличию/отсутствию мотивированности и типам мотивации при ее наличии; по способам и типам деривации; по коннотации и др.

По последнему признаку из названных прозвища делятся на отрицательные (абсолютное большинство), с богатой гаммой выражаемых чувств и оценок (от насмешливых, иронических до пренебрежительных, презрительных) и положительные (одобрительные, уважительные). Здесь встает вполне закономерный вопрос о том, почему же в микроантропонимике больше (и гораздо больше) отрицательных единиц по сравнению с положительно окрашенными и не является ли это негативным этническим признаком, в нашем случае – русскости.

Ответы на эти вопросы выстраиваются в двух плоскостях. Во-первых, причины названной коннотативной асимметрии (и не только в проприальной, но и в апеллятивной лексике) связаны с феноменом избирательности восприятия человеком реалий окружающей действительности: замечается и получает языковую, словесную маркированность прежде всего то, что не соответствует норме жизни (в поведении, характере, взаимоотношениях и т.д.). И прежде всего отмечается то, что ниже нормы, то же, что соответствует норме в специальных словесных отметках-знаках не нуждается как отвечающее естественному положению дел: «Народный живой язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной

жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность...» [Мокиенко 2005: 48; ср.: Арутюнова 1984: 17]. Или: «Хорошо работать, быть честным, добрым, чистоплотным и т. п. – качества, которые являются социальной нормой, а не выше ее, но плохо работать, быть ленивым, нечестным, злым, нечистоплотным и т. п. – эти качества есть отклонения от социальной нормы (ниже ее) и поэтому оцениваются обществом отрицательно. Отсюда такое обилие в любой языковой системе отрицательных слов-характеристик и значительно меньше положительных» [Лукиянова 1979: 72–73].

Во-вторых, сами прозвища неоднородны в плане отношения к ним и их носителям со стороны пользователей микросистемы, что связано с мотивами, типами номинации. В плане сказанного выше о коннотации, об акцентировании внимания на аномальных явлениях, на антинорме выделяются прежде всего прозвища, данные по внутренним качествам человека – по отрицательным чертам характера, свойствам, привычкам, а также по манере поведения. Они, как правило, резко отрицательные, кроме всего прочего, демонстрируют жителям населенного пункта как членам одного коллектива неприемлемость таких черт, свойств, как хитрость, жульничество, упрямство, спесивость, жадность, злость, зависть, трусость, легкомысленность, озорство, пьянство, беспутство, лень, неряшливость, лживость, лицемерие, заносчивость, высокомерие, бахвальство, склонность к сплетням, болтливость и др., то есть являются своего рода антиориентиром в жизни: нельзя быть таким, нельзя так поступать, так вести себя, так относиться к другим людям – это неприемлемо, осуждается, клеймится прозвищем, проходящим обычно через всю жизнь его носителя (если он остается в этом коллективе). Такие прозвища, следовательно, являются знаками не только осуждения, порицания, но и своеобразной профилактики, причем по отношению как к прозываемым в надежде на их исправление, так и к другим людям в расчете на проявление лучших качеств, нежели те, что отмечены прозвищами, иными словами, прозвища способствуют дистанцированию от отрицательных, неприглядных свойств характера и поведения из-за боязни (может быть, даже неосознанной или не до конца осознанной) быть прозванным.

Прозвища – знаки личности по ее внутренним качествам – дают представление о нравственных ценностях, ориентирах, в частности, жителей Нижегородского края как части русского этноса. Эти единицы встраиваются в общую систему имен с отрицательной оценкой в русских диалектах, наличие которой дало основание, например, А. Вежбицкой говорить «о гиперболизации моральных оценок в русском языке» и охарактеризовать этот факт как «отголосок моральной и эмоциональной ориентации русской души» [Вендина 2000: 29].

Прозвища, данные по происхождению, по месту жительства, вписываются в антитетичность «свое – несвое, чужое». И хотя относящееся к оппозиту «несвое» каким-то образом может не соответствовать традиционности бытия в пределах данного коллектива, прозвище, фиксирующее его, отмечающее человека по происхождению, лишено резко отрицательной окрашенности (если только на этот признак не накладываются другие мотивы, прежде всего негативная оценка по внутренним качествам лица), являясь не более чем дополнительным экономным знаком номинации. Таковы же прозвища, данные по фамилии или отчеству (помимо синкретичных, ассоциативно негативных), они являются знаками фамильярности отношений, принадлежности к одному, своему, кругу.

На особом положении среди типов прозвищ находятся те, что даются (даны) по внешнему виду, именно по врожденным или приобретенным физическим недостаткам, а также по речевым недочетам.

Они лишены коннотации осуждения и потому резкой негативности, поскольку отмечаемые прозвищем признаки не зависят от воли самого человека и не в его власти изменить их. Они связаны, скорее, с выражением к именуемому жалости в смысле сочувствия, сострадания. Если же яркое внешнее свойство лишено признака своего рода предопределенности судьбой, то его обладатель отмечается по меньшей мере насмешливым, ироническим прозвищем.

В любом случае прозвище – это вербальный знак, лишенный признака нейтральности, что проявляется, в частности, в «заглазном» употреблении их в устных текстах разного характера – факт сходящего отношения к прозываемому.

Тексты, в которых задействованы прозвища, подтверждают признание, сделанное и относительно фольклорных текстов, о том, что «эмоциональная температура текста» (по А. Вежбицкой) «у русских весьма высока, гораздо выше, чем в других славянских языках» [Хроленко 2010: 155]. Особую выразительность имеют мотивацион-

ные и деривационные тексты, в том числе и в сочетании их элементов – синкретичные. При этом прозвище как единица и текст с ним, включающий слово как мотивирующую и производящую базу, составляют внутри микросистемы, как уже было сказано, своеобразный комплекс, в котором дается информация о пути появления прозвища и некоторых сторонах его жизни в микросистеме.

Покажем это хотя бы на одном конкретном примере.

Безьян. Прозвище Пантелеева Павла Ефимовича. «Ну эт Паньку Пантелева так звали: Безьян да Безьян. Он на Долгой стороне в Любшиным конце жил, вон в тем конце, туды к кладбищам. Он сроду Безьян был: крученая-верченая, сроду кочевряжился, сроду у него выходки разны, сроду, бывало, насмешничат, просмеиват всех, продергыват, придумыват все, ну чистой безьян..., как безьян. Что вытворял-то по молодосси-ти, прям диву давались все, рай токо по деревьям не лазил, как настояща безьяна, а так чевó токо не вытворял , все дивовались. Вот и прозвали так. Оне се с Михе-ем куралесили. А уж если выпьют, бывал-о-о!.. Беда́ прям, хоть святых выноси. Вот те и Безьян. Чай, зря-то не прозвали ба эдак-ту. Так всю жись и Безьян. Не-е-е! В глаза-ти не зовут – рай, можно. Чай, эт обидно. Так, меж сия зовем. Скажем: «Вон Безьян идет». Ай: «Безьян-ат че отчудил опять. И смех и грех!» А в глаза – н-е-ег! Осерчат. А так-ту больно удобно: скажут Безьян, и всем понятно, что эт Панька. И смеются. Иль ругают» (Королева В.А., 1932 г.р.; с. Селякино Арзамасского района Нижегородской области).

В этом тексте-дискурсе заключена вся необходимая информация о прозвище: объект именованя, место проживания именуемого, соотнесение с персонимом (в трансформированном виде) и фамилией, причина номинации (особенности поведения), наличие внутренней формы, соотнесение с мотивантом и производящим словом (безьян), условия использования («заглазное»), коннотативность (обидное). При этом сема 'обидное' является синкретичной (эмо-аксио-экспрессемой), вбирает в себя резко отрицательные семы 'пренебрежительное', 'презрительное' и с течением времени приглушает резкость оценки. Кроме того, в тексте проявляется колоритность диалектной, народной речи во всех ее аспектах: фонетическом, интонационном, лексическом, грамматическом. Средства этих уровней передают и художественность текста, проявляют степень изобразительности прозвища.

В целом в существовании прозвищ сказывается необходимость в экономно выраженном отличительном знаке личности, дополнительном на фоне ее официального именованя. Причина же, мотив номинации определяется особенностями прозываемого и от-

ношением к нему окружающих (членов коллектива). Возникая в ограниченной среде, в частности в среде жителей того или иного населенного пункта как части народа (этноса), прозвища представляют собой продукт коллективного (народного) устного творчества.

Литература

1. *Аникин В. П.* Русский фольклор: учебное пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 1987. 286 с.
2. *Аникин В. П.* Русское устное народное творчество: учебник. – М.: Высшая школа, 2001. 726 с.
3. *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982 г. – М.: Наука, 1984. С. 5–23.
4. *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. – СПб.: Искусство–СПб., 2001. 438 с.
5. *Вендина Т. И.* Ценности и оценки в пространстве словообразования // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. – СПб.: ИЛИ РАН, 2000. С. 24–34.
6. *Гузнова А. В.* Мотивационные отношения прозвищ в арзамасских говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2014. С. 62–66.
7. *Климкова Л. А.* Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. – Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
8. *Климкова Л. А.* Мотивационные тексты в региональной языковой картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам международной научной конференции молодых ученых. Вып. 10. 16-17 марта 2011 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2011. С. 152–157.
9. *Климкова Л. А.* Типология текстов в составе микротопонимических комплексов // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы международного научного семинара (19–20 сентября 2013 г., г. Петрозаводск). – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 78–81.
10. *Климкова Л. А.* Микротопонимический комплекс как единица диалектной системы // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 25–27 окт. 2007 г.) / отв. ред. Т. К. Ховрина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. С. 304–312.
11. *Костюхин Е. А.* Введение // Б. Н. Путилов. Фольклор и народная культура; In memoriam. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
12. *Круглов Ю. Г.* Русские народные сказки // Сказки: Кн. 1 / сост., вступ. ст., подготовка текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. – М.: Сов. Россия, 1988. С. 5–50.

13. Лукьянова Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии: учебное пособие для студентов-филологов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1979. 75 с.
14. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – СПб.: Азбука-классика, Авалонъ, 2005. 256 с.
15. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. 192 с.
16. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
17. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. 367 с.
18. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. 192 с.
19. Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.

Кондратенко Михаил Михайлович

Ярославский государственный педагогический университет им.

К.Д.Ушинского

г. Ярославль, Россия

mmkondratenko@gmail.com

НАИМЕНОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ И ЭЛЬЗАСА-ПФАЛЬЦА

В статье рассматриваются способы обозначения некоторых характеристик человека в севернорусских и немецких диалектах. Основным методом исследования является определение структуры соответствующих семантических полей и сравнение состава их компонентов, а также принципов семантической мотивации наименований. Сделан вывод о том, что разница в номинации анализируемых явлений связана с наличием в каждом из диалектов периферийных семантических компонентов и, в особенности, с различными признаками обозначаемого явления, положенными в основу наименования.

Ключевые слова: славянская и немецкая диалектология.

Для исследования нами была отобрана диалектная лексика некоторых русских и немецких говоров, а именно: ярославских говоров и говоров Эльзаса, Пфальца и соседних с ними районов на другом берегу Рейна в Германии, которая характеризует интеллектуальные особенности человека с положительной и отрицательной стороны. Выбор именно этой группы слов неслучаен, так как понятие «человек» и выражение отношения к нему присутствует в любом языке или диалекте, это, в свою очередь, позволяет на основе этого материала производить сопоставительные исследования, в отличие от экзотической (безэквивалентной) лексики. Кроме того, обе группы говоров исторически располагаются в контактной диалектной зоне, во взаимодействии, соответственно, с романскими и тюркскими/финно-угорскими языками, что делает их типологически сходными в этом отношении. Лексика, характеризующая умственные способности человека, достаточно репрезентативна в количественном отношении. Поэтому в рамках настоящей статьи представляется целесообразным рассмотреть ту часть подобных наименований, которая обозначает соответствующие качества людей путем скрытого сравнения с другой реалией, то есть отличается многозначностью.

Большая часть слов, относящихся к выбранной тематике, содержит отрицательную характеристику человека. В немецких говорах для скрытого сравнения используются достаточно разнообразные реалии. Однако в их выборе можно определить некоторые тенденции.

Одна из них – использование в сравнениях названий животных, птиц, а также частей их тел. Это можно наблюдать в следующих примерах (немецкий диалектный материал приводится по [Elsässisches Wörterbuch], [Pfälzisches Wörterbuch], [Südhessisches Wörterbuch]): *Affe* 1) 'обезьяна', 2) 'глупый, наивный человек'; *Flaus* 1) 'баран', 2) 'болван'; *Gauch*; 1) 'кукушка', 2) 'глупец'; *Ochseⁿkopf* 1) 'бычья голова', 2) 'болван'; *Rindsnabel*; 1) 'коровий пупок', 2) 'болван'; *Gugele* 1) 'петух', 2) 'наивный, глупый юноша'; *Henneⁿfuz* 1) 'куриная нога', 2) 'глупый, наивный человек'. Таким образом, в исследуемых говорах немецкого языка глупый, наивный человек сравнивается с некоторыми животными, петухом, курицей (или ее ногой), существами в сознании говорящих в определенной степени наивными, простыми, руководящимися прежде всего своими инстинктами.

Также для сравнения используются названия различных частей тела: *Dickkopf* 1) 'толстая голова', 2) 'глупый, ограниченный человек'; *Dummo^hr* 1) 'глупое ухо', 2) 'болван'.

Нередко негативная характеристика дается человеку, который чрезмерно предается веселью: *Gaudel, Gangel* 1) 'весельчак', 'шутник', 2) 'глупец'.

Глупец может сравниваться с человеком, одетым слишком плохо: *Lappel* 1) 'оборванец'; 2) 'ограниченный человек' (данная лексема в южном Гессене обозначает еще 'длинное деревянное весло', что сближает его с многочисленными «деревянными» метафорами глупости в русском языке).

В некоторых случаях глупый человек уподобляется предметам обуви: *Latsch, Lätschi* 1) 'часть ботинка', 2) 'глупый человек'.

Глупость также ассоциируется с проигрышем, неудачей: *Lusche* 1) 'пустой билет в лотерею, плохая карта', 2) 'глупая девочка'.

Обращаясь к лексике исследуемых русских говоров (здесь и далее в статье русский диалектный материал приводится по [Ярославский областной словарь]) с негативным значением, также можно отметить некоторые тенденции.

К ним относится сравнение глупого человека с чем-то пустым, тупым, твердым, деревянным: *кобел* 1) 'высохшее дерево на берегу', 2) 'глупый, бестолковый человек'; *кокора* 1) 'нижняя часть хвойного дерева', 2) 'глупый человек'; *колотушка* 1) 'деревянный молоток', 2) 'пустая, глупая женщина'; *лагун* 1) 'деревянная бочка', 2) 'умственно отсталый человек'; *матрешка* 1) 'русская игрушка в виде деревянной расписной куклы, внутри которой находятся такие же куклы меньшего размера', 2) 'пустой, легкомысленный человек'.

Кроме того, глупого человека сравнивают с тем или иным еще неразумным, недавно родившимся животным, например, с жеребцом, молодой свиньей: *чуха, чушка* 1) 'поросенок', 2) 'глупый, недогадливый человек'.

Глупость также ассоциируется с чем-то неуправляемым: *дикий* 1) 'боевой, озорной', 2) 'глупый, безумный'.

На обозначение человека с интеллектуальными недостатками может переноситься его наименование по внешним изъянам: *благоуродливый* 1) 'имеющий физические изъяны', 2) 'умственно неполноценный, глупый'; *недяглый* 1) 'хилый, невзрачный', 2) 'неумелый, глупый'; *непраский* 1) 'худой, изможденный', 2) 'слабоумный, глуповатый'.

В ярославских говорах также, как и в эльзасских, подчеркивается взаимосвязь неоправданного веселья и умственной неполноценности: *заглум(а)* 1) 'вызывающий смех', 2) 'умственно неполноценный'.

Сопоставляться могут такие качества, как неповоротливость в работе и отсутствие сообразительности: *неяглый* 1) 'вялый, медлительный', 2) 'несообразительный, бестолковый'.

Глупость, бестолковость ассоциируется с чем-то неправомерным, выходящим за рамки допустимого в деловой этике: *афера* 1) 'обманщик', 2) 'глупый, бестолковый человек'.

Глупый человек в диалектной русской лексике сравнивается с частями тела, по размерам отклоняющимся от нормы: *толстоголовый* 1) 'человек, обладающий толстой головой', 2) 'тугодум'; *толстолобый* 1) 'человек с большим лбом', 2) 'тугодум, бестолковый'; *толстомордый* 1) 'человек, обладающий толстым лицом', 2) 'тупой человек'.

Положительная характеристика человека в немецких и русских говорах представлена реже, чем отрицательная.

Говоря о немецком диалектном материале, можно привести некоторые примеры переноса наименования. Сообразительный человек в эльзасских говорах ассоциируется с зябликом, «умной» птицей, легко приспособляющейся к изменяющимся условиям: *Spitzfink* 1) 'зяблик', 2) 'хитрый, умный парень'. Человека, интеллектуальные способности которого, по-видимому, начинают приобретать чрезмерно демонстративный характер, сравнивают (иронично) с мусором, подразумевая противоположное значение: *Spitzeⁿkrämer* 1) 'вершина мусорной горы' (ирон.), 2) 'слишком умный человек'.

Определенные тенденции в использовании сравнений для положительной характеристики людей по их умственным способностям прослеживаются и в русской диалектной лексике.

В ярославских говорах умный человек уподобляется личности с некоей характерной особенностью поведения: *вороватый* 1) 'лукавый', 2) 'догадливый'; *дотошный* 1) 'настойчиво, придирчиво вникающий в дело, в каждую мелочь', 2) 'сообразительный, умный, остроумный'.

Ум также ассоциируется с чем-то острым, звонким, выделяющимся, особенным: *вострый* 1) 'подвижный', 2) 'находчивый, остроумный'; *звонкий* 1) 'звонкий', 2) 'понятливый, сообразительный, смысленый'.

Таким образом, общей для эльзасских и ярославских говоров является тенденция к сравнению глупого человека с животными, в обеих группах диалектов в определенных случаях проводится параллель между веселым человеком и глупым. В говорах как Ярославской области, так и Эльзаса присутствует сравнение глупого человека с деревом и деревянными предметами.

В отличие от эльзасских говоров в ярославских нами не отмечены сравнения глупого человека с птицами, а также уподобление глупости неудаче.

Семантической спецификой говоров Ярославии на фоне немецких можно считать тенденцию перенесения наименования человека с определенными внешними недостатками, некрасивого на человека глупого; ассоциацию глупости и неправомерности или неуправляемости, необъяснимости.

Литература

1. Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. – Ярославль, 1981–1991.
2. Elsässisches Wörterbuch. URL: <http://woerterbuchnetz.de/ElsWB>.
3. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2002.
4. Pfälzisches Wörterbuch. URL: <http://woerterbuchnetz.de/PfWB/>.
5. Schmidt C. Historisches Wörterbuch der elsässischen Mundartmit besonderer Berücksichtigung der früh-neuhochdeutschen Periode. Strassburg, 1901.
6. Südhessisches Wörterbuch. URL: <http://www.lagis-hessen.de/de/subjects/index/sn/shwb>.

Лебедева Ирина Вадимовна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
г. Кострома, Россия
ilebedevakos@mail.ru

СЕМАНТИКА ДИАЛЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются особенности семантики и функционирования диалектных названий природных явлений, использующихся в костромских говорах; представлена лексико-тематическая классификация диалектных слов, семантическая характеристика лексем, указываются некоторые словообразовательные особенности диалектизмов, выявляются системные отношения, существующие в костромских говорах.

Ключевые слова: диалектизмы, наименования природных явлений, костромские говоры, семантический анализ.

Погодные условия и природные явления являются неотъемлемой частью существования сельского жителя, они во многом опре-

деляют закономерности крестьянского труда, бытовые условия, особенности проживания и эмоционального состояния человека.

Современные исследователи обращали внимание на отдельные лексемы данной группы с учетом их семантических, вариативных и парадигматических особенностей. Известны работы, посвященные описанию метеорологической лексики, функционирующей в ряде народных говоров: владими́ро-поволжских и брянских [Кондратенко 1989], волгоградских [Кудряшова 1996; Кудряшова, Колокольцева 2001], орловских [Макушева 1998], псковских [Мельникова 2004; Лаврентьева 1988], ярославских [Ховрина 1996] и др. Проводились сопоставления наименований явлений природы, представленных в разных словарях [Терехина 2001].

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью костромских говоров в плане установления лексических особенностей лексико-тематической группы "Природные явления" и территориальной закреплённости того или иного наименования. Все это предопределило выбор данных лексем в качестве объекта изучения.

Целью данной статьи является проведение семантического анализа диалектных наименований природных явлений, функционирующих в говорах Костромской области.

Исследование слов тематической группы "Природные явления", записанных студентами и преподавателями Костромского государственного университета в соответствии с "Программой собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров", учитывает как план выражения, так и план содержания диалектных лексем, их взаимоотношения в системе, а также территорию функционирования. Анализу подвергаются и региональные метеорологические наименования, извлеченные из Краткого костромского областного словаря, составителями которого являются Н. С. Ганцовская и Г. И. Маширова [Живое костромское слово 2006].

Собранный материал позволил выделить следующие подгруппы¹:

1. *Названия погоды: погода* 'любая погода', *ведро* 'ясная, тихая, хорошая погода': *На улице ведро, надо сено сушить* (Шарьин., Павин., Остров.), *ведрие* 'ясная, теплая погода', *неведрие* 'ненастная погода': *Неведрие цельную неделю стоит* (Шарьин.), *теплина*

¹ Здесь и дальше в круглых скобках приводятся сокращенные названия районов Костромской области.

'теплая, жаркая погода', *тепльнь* 'теплая, жаркая погода', *ненастье* 'пасмурная, дождливая погода', *непогодь*, *непогодица* 'дождливая, дурная погода, ненастье', *година* 'ненастная погода', *жарина* 'жаркое, летнее время, жаркая погода', *безветренность* 'погода, при которой нет ветра', *заветерье* 'ветренная погода', *надера* 'ненастная погода', *бездожде* 'погода, при которой долгое время нет дождей' (Павин.), *загробная погода* 'пасмурная, ненастная и вообще плохая погода' (Красносел.). К этой же подгруппе можно отнести и лексемы, содержащиеся в семантической структуре помету "о погоде": *запасмурнеть* 'становиться пасмурной (о погоде)' (Нерехт.), *бухмариться* 'хмуриться, становиться дождливой (о погоде)' (Шарьин.), *завихориваться* 'испортиться, сделаться ненастной (о погоде)' (Мантур.), *замокропogодиться* 'становиться ненастной, облачной (о погоде)' (Чухлом.), *заносно* 'пасмурно (о погоде)' (Вохом.), *засеверать* 'похолодать (о погоде)' (Павин.) и др.

2. *Названия ветра*: *ветрина* 'сильный верет' (Мантур., Кадый., Костром.), *ветрище* 'сильный ветер' (Мантур., Шарьин., Нерехт., Костром., Буйск., Сусан. и др.), *ветрушко* 'легкий ветер': *А на кладбище-то всегда ветрушко дует, никогда сильного-то там и не бывало* (Галич.), *вьюжина* 'сильный ветер со снегом' (Мантур., Галич., Шарьин.), *заверть* 'сильный ветер со снегом, метель' (Нерехт.), *закрутень* 'ветер огромной силы': *Однажды такой закрутень был, думала все снесет, на улице никто тогда не ходил, боялись* (Галич., Шарьин.), *буерага* 'сильный ветер, чаще со снегом' (Нерехт.), *зимняк* 'северный ветер': *Зимняк на улице свищет, куда гулять?* (Костром.), *Вон зимняк-то как подул, мороз будет* (Мантур.). Следует отметить, что на большей части территории костромских говоров распространены литературные варианты для обозначения ветра разной силы: *метель*, *буран*, *вьюга*, *пурга*, *ураган*.

3. *Названия осадков*: *слякоть* 'жидкая грязь во время влажной погоды', *мокрель* 'дождь со снегом' (Красносел.), *лепя* 'мокрый снег' (Нерехт.), *назиль* 'первый снежный покров' (Нерехт.), *заспа* 'снег с дождем, скорее мелкий град, обычно осенью, в начале зимы' (Вохом.), *напуск* 'проливной дождь в течение долгого времени' (Солиг.), *заливень* 'проливной дождь, ливень': *Ой, вымокла вся, прямо под заливень попала, чуть-чуть до дому-то не дошла* (Галич.), *грибник* 'летний дождь в солнечную погоду' (Галич., Нерехт.), *киша* 'вязкая грязь на дороге': *По такой кише и в сапогах не пройдешь* (Костром., Нерехт.), *ситуха* 'моросящий дождь' (Мантур.), *моросейка*, *мороха*

'мелкий, морозящий дождь' (Галич.), *суморось* 'мелкий, затяжной дождь' (Мантур.).

4. *Названия инея*: *иней* 'тонкий снежный слой, образующийся благодаря испарениям на охлаждающейся поверхности' (лит. яз.), *поморозь* 'иней на любой поверхности' (Сусан., Галич.), *хоровей* 'иней на деревьях' (Нерехт., Костром.), *обморозь* 'иней на любой поверхности' (Галич.). Среди лексем, относящихся к инею, находим глаголы *заиндеветь*, *заиневеть* 'покрыться инеем', *закужливеть* 'покрыться инеем' (Мантур.), *закуковеть* 'покрыться инеем' (Павин.), *захорветь*, *захореветь* 'покрыться инеем при сильном, охлажденном парами воздухом' (Костром.) и прилагательные *заиндевелый*, *захоревелый*, *кружевной*, *закуржавелый* 'покрытый инеем'.

5. *Названия льда*: *наст* 'окрепший, слежавшийся снег, покрытый ледяной коркой' (Костром., Сусан., Нерехт, Буйск., Галич. и др.), *висюлька* 'сосулька' (Галич., Шарьин., Мантур.), *крыга* 'льдина': *Смотри, там осторожней положи, а то крыга оторвется* (Кологр., Костр.), *леденец* 'гололед' (Нерехт.), *ледянка* 'сосулька' (Нерехт.), *наледь* 'наст, ледяная корка на снегу' (Нерехт, Костром.), *сало* 'мелкий лед, ледяная каша на реке во время ледохода' (Мантур.), *глыбина* 'большая льдина на реке, озере' (Нерехт.), *скользь* 'гололедица' (Сусан, Нерехт., Галич., Мантур.).

6. *Названия влаги*: *влага* 'сырость, вода, содержащаяся в чем-либо' (лит. яз.), *роса* 'туман, испарение, опадающее влагою на землю и стоящее каплями на растениях' [Даль, 4: 104], *бусины* 'капли росы на траве, кустах и деревьях' (Костром., Нерехт., Красносел.), *живая вода* 'вода из родника, ключа' (Мантур., Буйск., Галич., Костром., Нерехт., Парф., Шарьин., Солиг., Чухлом.), *морок* 'туман, сырость в воздухе' (Солиг., Павин.), *мгла* 'испарения, сгущающие воздух, делающие его тусклым, мало прозрачным, сухой туман' (Нерехт., Чухлом.), *водополь* 'половодье' (Антроп., Солигалич., Судисл., Чухлом.), *сострик* 'капель с крыши' (Чухлом.).

Лексема *водополь* в речи жителей Чухломского района функционирует как собственно лексический диалектизм со значением 'половодье': «Весной, когда очень много воды, вода подходит везде. В народе называют водополь, то есть тает быстро. Река поднимается и деревню топит, водополь кругом, говорили» (Чухлом.). В то же время на территории Костромской области отмечается словообразовательный вариант *водоплища* (Нерехт., Парфеньев.): *В этом*

году водополица большая будет, снегу много навалило; фонетический вариант лексемы – водопель 'половодье' – зафиксирован в Вохомском районе: *Глядь, водопель-то нынче кака, дамно уж я такой не припомню.*

Собственно лексический диалектизм *сострик* в значении 'капель с крыши' не имеет аналога в литературном языке. В костромских говорах зафиксировано в контексте: *«Вот когда наступает весна, так по крышам всегда сострики бегут, тоненькие струйки такие. Я всегда ведро подставляю, вода мягкая такая»* (Чухлом.). СРНГ отмечает значение, причем с указанием на костромской ареал распространения: "нижний край крыши, по которому стекает вода": *«Вода с сострика сильно бежит»* [СРНГ, 40: 66]. В Ярославском областном словаре зафиксировано значение "нижний край крыши, по которому стекает вода" [ЯОС, 9: 60]. Так, при функционировании в костромских говорах происходит расширение семантики данного диалектизма – «место действия → явление, связанное с этим местом».

Значительная часть словарного материала лексикотематической группы «Природные явления», функционирующего в костромских говорах, известна литературному языку, например: *погода, ненастье, метель, туман, роса* и т. п. Они, как правило, относятся к активному пласту и имеют высокую частотность употребления в речи сельских жителей. Другая часть представляет собой диалектизмы различного типа: собственно лексические – *падера, заверть, назимь, заспа, буерага, мороха, сострик* и др.; лексико-семантические – *леденец, сало, напуск*; словообразовательные диалектизмы – *теплина, бездождье, заливень, ветрушко, вьюжина* и др. Примечательно, что в одном и том же говоре для обозначения одного явления действительности используются как слова литературного языка, так и собственно диалектные наименования. Например, в говоре Нерехтского района для обозначения теплой погоды употребляется 3 эквивалента – *жара, жарина, теплынь*, в говоре Галичского района для обозначения инея на любой поверхности употребляют лексемы – *иней, поморозь, обморозь*.

Таким образом, рассматривая народные названия природных явлений, отметим, что данная группа лексем весьма многочисленна и разнообразна, дает возможность исследователям более точно дифференцировать семантику некоторых слов, прокомментировать словообразовательные особенности и выявить системные отношения.

Литература

1. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. – Кострома, 2006. 347 с.
2. *Кондратенко М. М.* Лексика народной метеорологии во владимиро-поволжских и брянских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 5. – Л., 1989. С. 78–88.
3. *Кудряшова Р. И.* Названия зимнего ветра со снегом в волгоградских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. – СПб.: ИЛИ РАН, 1996. С. 57–59.
4. *Кудряшова Р. И., Колокольцева Т. Н.* Семантика слова погода в волгоградских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. – СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 174–178.
5. *Лаврентьева А. Г.* Названия дождей в псковских говорах (лексико-семантическая конструкция «мелкий морозящий дождь») // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. – Л., 1988. С. 82–89.
6. *Макушева О. А.* О словах 'погода' и 'негода' в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. – СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 151–155.
7. *Мельникова Е. Г.* Специфика наименований льда и ледяных образований в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001, 2004. – СПб.: ИЛИ РАН, 2004. С. 278–286.
8. *Терехина С. Ю.* Тематическая группа областных названий явлений природы в современном толковом словаре и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию юбилею В. И. Даля, Иваново, 5–7 апреля 2001 г.: В 2 ч. – Иваново, 2001. Ч. 1. С. 202–205.
9. *Ховрина Т. К.* Словообразовательные особенности наименований природных явлений в ярославских говорах // Проблемы региональной лингвистики. – Ярославль, 1996. С. 32–36.

Источники

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т.: Т. 4. – М, 1991.
2. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 40. – СПб., 2006.
3. ЯОС – Ярославский областной словарь: Учебное пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1990.

Лундышева Анна Николаевна
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
annalundysheva@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ В СУБСТАНДАРТЕ: СТАНДАРТ VS. СУБСТАНДАРТ

В статье рассматривается специфика способов номинации в субстандартных подсистемах английского и русского языков, которая обусловлена их типологическими различиями.

Номинативные тенденции субстандартных подсистем отчетливее проявляются на фоне общеязыковых закономерностей. Субстандартные подсистемы проявляют номинативную специфику не только в рамках всей лексико-семантической группы «Наименования лиц», но и на отдельных ее участках.

Ключевые слова: стандарт, субстандарт, процесс номинации, лексико-семантическая группа.

Способы номинации в субстандартных подсистемах в целом такие же, как и в литературном языке (ЛЯ) [Шмачков 2005: 111; Грачев 1997: 90]. При этом способы номинации в этих языковых подсистемах достаточно детально описаны в отечественной и зарубежной лингвистике на материале, в частности, английского и русского языков. В то же время тенденции протекания номинативных процессов в субстандарте, проявляющиеся на фоне общеязыковых закономерностей, а также особенности взаимодействия различных номинативных приемов при выполнении определенной номинативной задачи остаются вне поля зрения лингвистов.

Известно, что субстандартные подсистемы в определенной степени являются вторичными по отношению к первичной, материнской системе – ЛЯ [Елистратов 2000: 580–583]. Из этого следует, что данные подсистемы выполняют скорее не номинативную, а реноминативную функцию, давая имена сущностям, уже имеющим обозначение в ЛЯ. Ср.: «Одной из отличительных особенностей словообразования в сленге является необходимость не столько назвать новые предметы, сколько выразить в некотором смысле иное отно-

шение к уже известным предметам или явлениям или как-то иначе их охарактеризовать» [Орлова 2006: 138]. Кроме того, определенную специфику субстандартной номинации придает и тот факт, что в данных подсистемах ярче, чем в других сферах языка, проявляется игровая, экспрессивная функция: «Словообразование в жаргоне служит, прежде всего, чтобы порождать яркие, образные и выразительные слова. Многие из них зачастую являются экспрессивными модификациями нейтрально-литературных, просторечных или разговорных слов» [Гойдова 2004: 133]. Таким образом, номинативные процессы в субстандартных подсистемах имеют определенную специфику по сравнению с ЛЯ.

В связи с вышеизложенным возникают закономерные вопросы: как распределяются номинативные техники и приемы в ЛЯ и субстандарте при выполнении одного и того же коммуникативного задания? Существуют ли определенные номинативные тенденции и закономерности, присущие только субстандартным подсистемам? Каково взаимодействие номинативных техник и приемов в субстандарте, и как эти процессы отличаются от аналогичных в ЛЯ?

Поставленные вопросы обусловили цель исследования: выявить особенности взаимодействия способов номинации в субстандарте английского и русского языков, а также сравнить полученные результаты с действующими тенденциями в ЛЯ.

Объектом исследования послужили наименования лиц, отобранные путем сплошной выборки из словарей американского сленга [Kipfer], [Thorne] и русского жаргона [Мокиенко]. Выбор наименований лиц в качестве объекта исследования продиктован тем фактом, что данный пласт лексики занимает важнейшее место в системе номинативного словообразования: «человек называет, прежде всего, себя, что свидетельствует о том, что словообразованию свойственен антропоцентризм» [Земская 2007: 204]. Общий объем выборки составил 5402 лексико-семантических вариантов в американском сленге и 8358 – в русском общем жаргоне.

На первом этапе исследования в рамках отобранных единиц были определены основные способы номинации (см. таблицу 1).

Сравнение полученных результатов с тенденциями, действующими в рамках аналогичной ЛСГ в ЛЯ, показывает, что распределение способов номинации в анализируемых субстандартных подсистемах и ЛЯ не идентично.

Таблица 1

**Способы номинации в ТГ «Наименования лиц» в субстандарте
английского и русского языков**

Способ номинации	Американский сленг (%)	Русский жаргон (%)
Семантическая деривация	33,0	31,0
Аффиксация	20,0	38,0
Словосложение	25,0	4,1
Заемствования	2,0	11,7
Остальное	19,0	15,2

Основным способом образования наименований лиц в американском сленге является **семантическая деривация** (33 %) (*key* ‘a typical Ivy League student’, *king* ‘the leader’), в то время как в английском ЛЯ данный способ номинации составляет лишь 11 % [Рындина 2002: 22]. Вторым по значимости способом образования наименований лиц в американском сленге является **словосложение** (25 %) (*jug-head* ‘a stupid person’; *juicehead* ‘a heavy drinker’), удельный вес которого в английском ЛЯ также высокий (27,08 %) [Рындина 2002: 22].

В американском сленге роль **аффиксации** незначительна (20 %) (*auntie* ‘an elderly Negroes’), в то время как в английском ЛЯ данный способ является ведущим при образовании наименований лиц (37,97 %) [Рындина 2002: 22],

В русском жаргоне, как и в русском ЛЯ [Демина 2002: 220], **аффиксация** является ведущим способом номинации лиц (38 %) (*шмонала* ‘вымогатель денег, сладостей’ (← *шмонать* ‘собирать деньги, «дань» с подростков’); *декабрист* ‘человек, осужденный за мелкое хулиганство’ (после принятия соответствующей статьи в декабре 1973 г.)).

Семантическая деривация также занимает значительное место в номинативных процессах в субстандарте при номинации лиц (31%) (*власть* ‘милиционер’, *перец* ‘близкий друг, приятель’), в то время как в русском ЛЯ данный способ менее распространен [Труфанова 2006: 19].

Таким образом, в американском сленге ведущими способами номинации лиц являются семантическая деривация и словосложение, в то время как в английском ЛЯ – аффиксация. В русском жаргоне аффиксация и семантическая деривация являются основными

источниками пополнения наименований лиц, в то время как в русском ЛЯ больше распространена аффиксация.

Одна из ведущих ролей семантической деривации при образовании наименований лиц в субстандартах анализируемых языков обусловлена, во-первых, спецификой номинативных процессов в данных подсистемах. Так, субстандартные подсистемы являются своего рода языковой игрой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности. Особенно ярко, как отмечают исследователи, данное свойство проявляется в жаргонных единицах, образованных посредством метафорического переосмысления общеупотребительных слов. В жаргонизме-метафоре происходит усиление, своего рода «удвоение» экспрессии за счет образности и социальной маркированности [Балаян 2006: 59].

Более широкому распространению семантической деривации при номинации лиц способствует также и характер данного способа номинации. Метафора – это, прежде всего, способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления: «метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке» [Арутюнова 1979: 149]. Экспрессивный потенциал метафоры в целом выше, чем других способов номинации. Ср.: «Метафора есть ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета, смысловых нюансов, а не в погоне за именем» [Арутюнова 1979: 160]. Таким образом, «метафора – этот постоянный рассадник алогичного в языке – позволяет сравнивать несопоставимое – элементы разной природы – конкретное и абстрактное, время и пространство» [Арутюнова 1979: 170].

Установленные закономерности номинативных процессов в субстандарте проявляются не только в рамках всей системы наименований лиц, но и на отдельных ее участках. На следующем этапе исследования был проведен сравнительный анализ отдельных подгрупп наименований лиц в ЛЯ и субстандартных подсистемах с целью выявления специфики взаимодействия способов номинации в анализируемых подсистемах и ЛЯ. В силу избирательного характера анализируемых подсистем сравнительному анализу подвергались лишь те подгруппы наименований лиц ЛЯ, которые достаточно широко представлены в субстандарте.

Так, согласно нашим данным, при наименовании **национальностей** в анализируемых субстандартных подсистемах ведущую роль занимает семантическая деривация (35 % в американском сленге, 40 % в русском жаргоне): *ace* 'a Negro', *apple* 'a native American', *бамбук* 'уроженец Кавказа или Средней Азии', *сажа* 'негр'. При формировании аналогичных наименований в английском и русском ЛЯ, по нашим подсчетам, ведущая роль принадлежит суффиксации (72 % в английском языке; 60 % в русском языке).

У **собирательных существительных лица** английского и русского ЛЯ в ядро входят аффиксальные образования [Муругова 2007: 284], в то время как в субстандартных подсистемах лидирующим способом номинации является семантическая деривация (американский сленг – 81 %, русский жаргон – 74 %): *laundry* 'the board of faculty members that passes on flying cadets', *line* 'the chorus of dancing girls performing in an act or show', *бригада* 'воровская группировка, банда, криминальная структура', *ансамбль* 'сборище, компания гомосексуалистов'.

Наименования лиц **по профессиональной деятельности** в английском ЛЯ чаще образуются по словообразовательным моделям [Сальникова 1980: 16]. В частности, согласно исследованию Т. С. Давыдовой [Давыдова 1990: 77], 38,01 % наименований лиц по профессии в современном английском ЛЯ образованы путем словосложения, 47,56 % путем суффиксации. В американском сленге наблюдается ослабление роли суффиксации в данной подгруппе (14 %), усиление роли семантической деривации (30 %) (*zebra* 'a non-commissioned Army officer', *apron* 'a bartender'), а так же, как и в ЛЯ, роли словосложения (40 %) (*ash-cat* 'a locomotive fireman').

В русском ЛЯ наиболее распространенным способом для выражения значения «лицо по профессии» является суффиксация [Кашпур 2005: 118]. В русском жаргоне суффиксация (33 %) и семантическая деривация (36 %) имеют практически одинаковый удельный вес при образовании лексических единиц данной подгруппы: *клякса* 'школьница', *кобура* 'милиционер', *балалаечник* 'продавец русских сувениров, изделий народный промыслов', *бревнистка* 'гимнастка, особенно успешно выступившая на бревне'.

Как известно, в русском ЛЯ существительные **женского рода** образуются от основ соотносительных существительных мужского рода при помощи различных суффиксов [Земская 2008: 263]. В рус-

ском жаргоне, как и в ЛЯ, ведущая роль при образовании лиц женского пола принадлежит суффиксации (42 %) (*голубятница* ‘воровка, совершающая кражи с чердаков’, *байкерша* ‘девушка-член клуба, группировки мотоциклистов’); при этом роль семантической деривации также значительна (29 %) (*агрессор* ‘теща’, *муха* ‘стюардесса’, *мышь* ‘женщина - помощница карманного вора’).

В американском сленге распределение способов номинации в рамках данной подгруппы также иное по сравнению с ЛЯ. Так, в английском ЛЯ наименования лиц женского пола образуются путем суффиксации и словосложения [Блох 1983: 55]. Согласно нашим данным, в американском сленге ведущим способом номинации в рамках данной подгруппы является семантическая деривация (40%) (*banana* ‘a light skinned Negro woman’, *peach* ‘a pretty girl’).

Таким образом, взаимодействие способов номинации в субстандартных подсистемах английского и русского языков обусловлено, во-первых, их типологическими различиями. Так, в американском сленге ведущими способами номинации являются семантическая деривация и словосложение, в то время как в русском жаргоне – аффиксация и семантическая деривация. Во-вторых, номинативные тенденции субстандартных подсистем отчетливее проявляются на фоне общеязыковых закономерностей. Так, в английском и русском ЛЯ ведущим способом номинации лиц является суффиксация, в то время как в американском сленге семантическая деривация и словосложение; в русском жаргоне – аффиксация и семантическая деривация. В-третьих, субстандартные подсистемы проявляют номинативную специфику не только в рамках всей ЛСГ, но и в определенных подгруппах наименований лиц.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика): Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. С. 147–173.
2. Балаян Э. В. Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2006. 221 с.
3. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высш. школа, 1983. 383 с.
4. Гойдова С. Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 2004. 421 с.

5. *Грачев М. А.* Русское арго. – Н. Новгород: Ниж. гос. лингв. ун-т, 1997. 246 с.
6. *Давыдова Т. С.* О продуктивности структурных моделей наименований лиц по профессии в современном английском языке // Вестн. ЛГУ. Сер. 2, Филология. 1990. Вып. 2 (№ 9). С. 76–79.
7. *Демина Е. И.* Новые наименования лиц в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. – Самара, 2004. 20 с.
8. *Елистратов В. С.* Словарь русского арго: мат. 1980-1990-х гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиом. выражений. – М., 2000. 693 с.
9. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 224 с.
10. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. 328 с.
11. *Каишур Е. В.* Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии и социальному статусу во французском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Москва, 2005. 201 с.
12. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. 720 с.
13. *Муругова Е. В.* Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека: монография. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ АПСН, 2007. 460 с.
14. *Орлова Н. О.* Сравнительная национально-специфическая характеристика американского и русского сленга: лексико-грамматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2006. 183 с.
15. *Рындина Н. В.* Типология номинации лица в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2002. 250 с.
16. *Сальникова Н. Н.* Регулярная лексическая полисемия существительных в английском языке в соотношении со словообразованием: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1980. 17 с.
17. *Труфанова Н. О.* Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. 26 с.
18. *Шмачков С. А.* Современный студенческий жаргон: дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2005. 168 с.
19. *Kipfer B. A., Chapman, R. L.* Dictionary of American slang / B. A. Kipfer, R. L. Chapman. 4th ed. – New York: HarperCollins Publishers Ltd., 2007. 1114 p.
20. *Thorne T.* Dictionary of contemporary slang / T. Thorne. 3rd ed. – London: A & C Black Publishers Ltd, 2007. 494 p.

Таганова Татьяна Александровна
Ивановский государственный университет
Иваново, Российская Федерация
ttaganova@mail.ru

ЭТНОСТЕРЕОТИП: ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ, ТЕКСТЕ, СЛОВАРЕ

В статье анализируется ряд источников, дающих представление об этностереотипах. Рассматриваются и сравниваются пословицы и поговорки, анекдоты, коллокации на русском и английском языках. Делается вывод о неоднозначности феномена стереотипизирования, о необходимости научно-квалифицированного подхода к проблеме этнических стереотипов.

Ключевые слова: этнический стереотип, гетеростереотип, автостереотип, «свое» – «чужое», анекдот, поговорка, коллокация, словарь.

Этнический стереотип – стандартное представление, имеющееся у одного этноса, о представителях либо «своего», либо «чужого» этноса [см. Крысин 2005: 50]. Этнические стереотипы являются одними из самых противоречивых. С одной стороны, они дают пищу для размышления над историческими, социально-политическими процессами, происходящими в обществе, заставляют думать о межкультурных и межэтнических отношениях, складывавшихся с течением времени. С другой стороны, как любой стереотип, этностереотип является весьма упрощенным и схематичным, субъективным и эмоционально-оценочным.

Этностереотипы все чаще становятся объектом изучения ряда гуманитарных дисциплин, поэтому справедливо сослаться на мнение Л. П. Крысина о том, что важно «отделить лингвистический аспект темы от всех остальных, понять, что в этой проблематике заведомо не относится к компетенции языковедов» [Крысин 2005: 451]. В фокус лингвистической науки попадает, прежде всего, оценочный компонент суждения, выраженный имплицитно, метафорично либо же эксплицитно. Материалом для подобных исследований может становиться как отдельное слово, зачастую сам этноним, несущее в себе оценочное описание свойств определенного этноса (так в английском этнониме *Turk* приобретает дополнительное значение – «тиран,

грубый жесткий человек», *Jew* – торговаться, *Chinese* – сделанный шиворот-навыворот [см. Панин 2009]), так и словосочетания, фразеологические единицы с этнонимами. За этнонимами всегда стоит «лексическое значение, план содержания, семантика. Этноним вызывает в языковом сознании индивида определенную модель действий и отношений, концепт, стереотип, или, точнее, *мифологему*» [Кашкин 2000: 62]. Оценке могут подвергаться внешний вид, особенности языка и произношения, среды обитания, образ жизни представителя «чужого» этноса [см. Грищенко 2007: 40–52].

Важную почву для изучения этнических стереотипов играют пословицы и поговорки – поистине неисчерпаемый источник языкового свидетельства взаимоотношений. Русский язык особенно богат на поговорки, в том числе и содержащие этнонимы. Обращаясь к труду «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля, который был создан еще в 1862 году [Даль], находим множество интересных изречений с этнонимами:

У немца на все струмент есть. Суций итальянец (т. е. пройдоха). Это — суций француз (т. е. говорлив и опрометчив). Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается. Бог создал Адама, а черт — молдавана. Немец без штуки с лавки не свалится. Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает). Настоящий немец (точен, педант, причудлив). Злее злого татарина. Грек скажет правду однажды в год.

Интересно отметить, что объектом русских поговорок становятся в основном отрицательные черты представителей разных наций, известных русскому народу прежде всего по торгово-экономическим отношениям, а также войнам и конфликтам. Отсюда так много поговорок о таких качествах, как нечестивость, склонность к обману, нечистоплотность в торговле.

Англоязычная фразеология с этнонимами менее разнообразна и экспрессивна. Составители *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs* Дж. Симпсон и Дж. Спик, например, предлагают следующие словарные статьи, содержащие этнонимы:

England's difficulty is Ireland's opportunity. One Englishman can beat three Frenchmen. An Englishman's house is his castle. An Englishman's word is his bond. When Greek meets Greek, then comes the tug of war. What Manchester says today, the rest of England says tomorrow. Scratch a Russian and you find a Tartar. Yorkshire born and Yorkshire bred, strong in the arm and weak in the head [The Concise Oxford Dictionary of Proverbs 2003].

Ряд представленных выше поговорок демонстрирует примеры *автостереотипов* — чаще всего воспевание положительных качеств, присущих представителям своего народа. Согласно английским пословицам, англичане отважны, честны, любят свои дома и, соответственно, традиции.

Популярным источником этностереотипа остается анекдот. Анекдоты про представителей «чужих» национальностей есть во многих лингвокультурах. Персонажи в таких историях обычно выступают как нечто собирательное, как носители одной утрированной типической черты. Сегодня в сети Интернет существует большое количество страниц, содержащих анекдоты с этнонимами как на русском, так и на английском языке [URL: <http://anekdotov.net>; URL: <http://mustsharejokes.com>]. Проанализировав более 500 анекдотов, приходим к ряду интересных выводов. Стереотипные черты представителей определенных национальностей весьма схожи вне зависимости от лингвокультуры-источника. В проанализированных анекдотах фигурируют, прежде всего, *гетеростереотипы*, — представления о «чужой» нации. При этом гетеростереотип часто, но далеко не всегда является отрицательным. Так, в анекдотах американцы весьма недалекие, но аккуратные, исполнительные, патриотичные, состоятельные, политизированные, ценящие семью. Англичане предстают джентльменами, вежливыми, однако любящими нецензурно выражаться. Ирландцы готовы подраться в любой ситуации, любят выпить, однако они смелы и отважны (см. представленные выше поговорки на английском языке: «То, что представляет сложность для англичанина, представляет возможность для ирландца»). Французские мужчины любят женщин, вино и революции. Голландцы ленивы, скуповаты, любят выпить, не любят правила. Немцы рачительны, трудолюбивы и аккуратны. Китайцы исполнительны, трудолюбивы, не умеют производить хорошие товары. *Автостереотип* — представление русских о самих себе, судя по анекдотам на русском языке, достаточно положителен. Русский умен и остроумен, находит выход из любой ситуации, прекрасный переговорщик, человек, обладающий «загадочной русской душой». Это представление вполне соответствует образу русского в анекдотах английской и американской лингвокультуры, где неприхотливый русский всегда находит блестящие решения в трудных ситуациях. Анекдоты про представи-

телей различных наций и их взаимоотношения являются обширным материалом для исследования особенностей этностереотипов в той или иной лингвокультуре.

В поисках материала для анализа этностереотипных представлений обратимся к самому языку, к коллокациям, содержащим этнонимы. В английском языке, например, такие выражения достаточно многочисленны. Так, в словаре *Cambridge Advanced Learners Dictionary, 3rd edition* зафиксированы следующие словарные статьи:

double Dutch ... talk or writing that is nonsense or that you cannot understand (двойной голландский: нонсенс);

Dutch courage ... UK (US liquid courage) the confidence some people get from drinking alcohol before they do something frightening (голландская смелость: пьяная бравада);

Chinese puzzle ... a situation that is complicated and difficult to understand (китайская загадка: сложная, непонятная ситуация);

It's all Greek to me... a way of saying that you do not understand something that is said or written (это для меня греческий: сложное, непонятное) [Cambridge Advanced Learners Dictionary, 3rd edition 2010].

Случаи самого современного словоупотребления предоставляют словари в сети Интернет. Примеры словосочетаний, зафиксированных различными on-line проектами, следующие:

Irish bull... a ludicrously illogical statement (ирландская чушь: нелогичное утверждение);

Chinese burn... a minor torture inflicted by twisting the skin of a person's wrist or arm in two different directions simultaneously (китайский ожег: «крапивка», когда скручивается кожа запястья в разные стороны);

Chinese copy... an exact copy of an original (китайская копия: неотличимая от оригинала копия) [Collins Dictionary on-line].

English rose ... an attractive English woman with an appearance traditionally thought to be typical of English women (английская роза: красивая женщина) [Merriam-Webster Dictionary on-line].

Нетрудно отметить определенную корреляцию между чертами, обыгрываемыми в анекдотах и семантикой представленных коллокаций. Так, «голландской смелостью» названа бравада, возникающая после принятия спиртного; противостояние англичан и ирландцев отразилось в коллокации «ирландская чушь», в то время как прекрасная женщина-англичанка названа «английской розой». Также интересно проследить определенное соответствие между образами, стоящими за коллокациями на русском и на английском языке.

«Китайской грамотой» названо все сложное и непонятное (в английском языке непонятное также названо «греческим», а сербы и хорваты, например, скажут: «непонятно, как русская кириллица»). В русском языке широко употребительны устойчивые оценочные словосочетания с этнонимами и их производными: «немецкая точность, аккуратность, бережливость», «эмоционален, вспыльчив, как итальянец», «английская чопорность, вежливость», «галантен, как француз» и т.д. Выражение «по-русски», отражающее автостереотип, связано, прежде всего, с такими понятиями, как щедрость, широта, гостеприимство. Наряду с широко известными коллокациями с прилагательным «русский» (*Russian roulette*, *Russian salad*, *Russian bear*) новейшие образования предлагаются так называемыми wiki-проектами, «открытыми словарями», проектами волонтерской лексикографии [Карпова 2013: 50]. «Русским утром» названо утро после вечеринки (*Russian Morning*), «русским подарком» (*Russian Doll present*) – нечто, завернутое в несколько слоев, спрятанное по принципу матрешки [Urban Dictionary].

Исходя из сказанного выше, можно подвести ряд итогов. Стереотип и стереотипизирование – явления сложные и неоднозначные. За основу в стереотипном «портрете» берется одна специфическая черта, которая утрируется. Даже если рисуемый образ «чужой» нации не является отрицательным, он зачастую подается с оттенком иронии и снисходительности. Для автостереотипа в основном характерно лояльное описание особенностей и черт «своего» народа.

Как же относиться к этническим стереотипам? Очевидно, что при предвзятом отношении к стереотипам национальных характеров опасность этностереотипизирования заключается в появлении *предрассудков*. Предрассудки, в свою очередь, осложняют межкультурные связи, способствуют формированию искаженной картины мира. Д. Обукаускайте в своем диссертационном исследовании справедливо отмечает: «и русское, и английское общество разделяет терпимые взгляды в отношении других национальностей только на словах. Реальное употребление в речи наших современников в России и Англии оскорбительных и насмешливых прозвищ других национальностей говорит о том, что мы оказались плохими учениками наших языков, в которых столь значимое место занимает понятие терпимости или *tolerance*» [Обукаускайте 2007:29]. Вместе с тем изучение

этностереотипов в лингвистическом ключе необходимо для осознания богатого исторического опыта взаимоотношений между нациями. Без знания исторических предпосылок возникновения фразеологизмов, без умения трактовать этимологические факты о возникновении ряда коллокаций понимание исторических, литературных аллюзий будет затруднено либо вовсе окажется ошибочным. Воспитание толерантного отношения к представителям другой нации основывается, прежде всего, на знании богатой истории, культуры, обычаев народа, в том числе закрепленных в языке.

Литература

1. *Грищенко А. И.* Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8–9 июня 2007г. памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МППГУ). Гл. ред. Н. А. Николина. – М.–Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52.
2. *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. URL: http://www.slova.ru/book_toc/1.html.
3. *Карпова О. М.* Английская и шотландская лексикографии: Истоки, развитие, современное состояние // Вестник ИВГУ. Вып.1. 2013. С.47–54.
4. *Кашкин В. Б.* Этнонимы и территория национальной души // В. Б. Кашкин, С. Пейхенен. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: ВГТУ, 2000. С. 62–70.
5. *Крысин Л. П.* Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 450–455.
6. *Обукаускайте Д. С.* Толерантность и выражение отношения к другим национальностям в английской и русской лингвокультурах: автореферат дис. ... канд. культурологии. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. 29 с.
7. *Панин В.* Этнические стереотипы в английском языке // Languages and Literature № 22. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2009. URL: <http://frgf.utmn.ru/mag/22/47>.
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2010 + CD-ROM, 2008. 1400 p.
9. The Concise Dictionary of Proverbs: 3rd edition. Ed. by: Simpson J., Speake J. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 364.
10. Urban Dictionary. URL: <http://urbandictionary.com>.